

Министерство просвещения Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии и межкультурной коммуникации

***АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОЛОГИИ***

Материалы международной научно-практической
конференции молодых ученых

Екатеринбург
22 апреля 2021 г.

Выпуск 23

Екатеринбург 2021

УДК 80
ББК ШЗ
А43

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве *научного* издания (Решение № 28 от 09.06.2021)

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, доцент И. А. СЕМУХИНА (глав. ред.)
канд. филол. наук, доцент Т. В. ГОГОЛИНА
канд. филол. наук, доцент Е. Н. ИВАНОВА
канд. филол. наук, доцент И. В. ПЕТРОВ

А43 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ :
материалы международной научно-практической конференции
молодых ученых. Екатеринбург, 22 апреля 2021 г. / Уральский
государственный педагогический университет. – Электрон.
дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2021. – Вып. 23. – 1 CD-ROM. –
Текст : электронный.

ISBN 978-5-7186-1807-5

В сборнике представлены материалы международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы филологии», прошедшей на базе Института филологии и межкультурной коммуникации.

УДК 80
ББК ШЗ

© ИФМК, 2021
ISBN 978-5-7186-1807-5 © ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Секция «Язык. Система. Личность»

Абрамова Н. Е., Гу Ц. Цифровая символика в русском и китайском языках	5
Аккозина А. Э. Исторический комментарий фактов современного русского языка в средней школе	15
Алферова А. К. Семантика глагольных форм в русских народных заговорах	25
Беляева Я. Д. «Солнце? Заря? Река? – Кто поможет?..»: Параллелизм природного и человеческого существования в лечебных заговорах традиционной народной медицины	34
Богатова И. Д., Ян Чж. Социальная реклама в Китае: основные направления развития	43
Валиева Ф. Э. Обучение говорению в аспекте РКИ	52
Варламова Т. А. Политическая корректность и толерантность в рекламе как единице межкультурной коммуникации.....	58
Дятлова Е.М. Анализ теоретических основ школьных комплексов на примере грамматических омонимов	69
Ежелева Ю. А. Тенденции адаптации японизмов в русском языке	78
Козлова А. В. Обозначение «дополнительных» персонажей в заговоре как сакральном тексте	84
Коновалова Н. И., Ян Ц. Неологизмы 21 века в китайской лексикографической практике: экспериментальное исследование.....	95
Начинова А. В. Символические смыслы антонимической пары <i>белый – черный</i> в сакральных текстах традиционной народной культуры.....	104

Соколова А. В., Чебыкина В. В. Черты языковой личности В.В. Маяковского	116
Хныкина Е. А. Элементы разговорного синтаксиса в произведениях С. Лукьяненко.....	131

ЯЗЫК. СИСТЕМА. ЛИЧНОСТЬ

УДК 811.161.1'27: 811.581'27:39

**Абрамова Н. Е. (МАОУ СОШ № 99; УрГПУ,
Екатеринбург)**

Гу Ц. (УрФУ, Екатеринбург)

Цифровая символика в русском и китайском языках

Аннотация. В статье в сопоставительном аспекте анализируется символика цифровых номинаций в русской и китайской лингвокультурах. В качестве материала используются числовые обозначения от одного до десяти, содержащиеся в обеих культурах коннотации мифологического характера. Особое внимание уделяется семантической оппозиции «чет – нечет», при этом продемонстрированы предпочтения двух народов в выборе нумеративов в прагматике современного быта. Проанализированы причины различий в оценках наиболее частотных цифровых обозначений. Материалы статьи могут быть полезны для всех, кто интересуется культурой Китая и России.

Ключевые слова: русский язык; китайский язык; лингвокультурология; народная культура; символические числа; сравнительное языкознание.

Сведения об авторах: Абрамова Наталья Евгеньевна, учитель русского языка и литературы МАОУ СОШ № 99; ассистент кафедры ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Гу Цзиньфэн, магистрант 2-го курса обучения Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург).

Abramova N. E. (USPU, Yekaterinburg)

Gu Ts. (UrFU, Yekaterinburg)

Digital symbols in Russian and Chinese languages

Abstract. The article analyzes in a comparative aspect the symbolism of digital nominations in Russian and Chinese linguistic cultures. The material used is numerical designations from one to ten, which contain connotations of a mythological nature in both cultures. Particular attention is paid to the semantic opposition “even – odd”, while demonstrating the preferences of the two peoples in the choice of numerals in the pragmatics of modern life. The reasons for the differences in the estimates of the most frequent digital symbols are analyzed. The materials of the article can be useful for everyone who is interested in the culture of China and Russia.

Keywords: Russian language; Chinese; cultural linguistics; folk culture; symbolic numbers; comparative linguistics.

About the authors: Abramova Natalya Evgenievna, Teacher of Russian Language and Literature of the Secondary School No. 99; Assistant of the Department of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Gu Czinfen, 2nd year Master’s Degree Student of the Ural Institute for Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg).

Изучение наивной языковой картины мира представляется продуктивным при обращении к тематическому содержанию текстов традиционной народной культуры [Коновалова 2012; Гридина, Коновалова 2018, 2020], к особенностям отражения в разных языках универсальных и национально-специфичных символических смыслов [Герасименко ... 2003, 2014; Шаповалова 2000].

Цифровая символика играет значительную роль как в китайской, так и в русской лингвокультурах. В процессе межкультурной коммуникации знания о различиях и сходстве в культуре, религии, языковых привычках двух народов помогают избежать недопонимания и коммуникативных неудач.

Рассмотрим числовые обозначения от одного до десяти, при этом в фокусе нашего внимания будут только те нумеративы, которые имеют в обеих культурах коннотации мифологического характера, что получает соответствующую лингвокультурологическую интерпретацию в словарях (см. об этом: [Гридина, Коновалова 2017: 119-131]). Особое внимание в процессе анализа уделяется семантической оппозиции «чет – нечет», при этом покажем предпочтения двух народов в выборе нумеративов в прагматике современного быта.

По материалам этнолингвистического словаря «Славянские древности» (далее – СД), в русской лингвокультуре нумератив *один* (*единица*) не содержит мифосимволических смыслов, хотя и находит отражение в некоторых устойчивых выражениях (*один в поле не воин // из одного дерева дом не построишь // один – за всех, все – за одного // одна пчела много меда не натаскает* и др.). В основном русская идиоматика с нумеративом *один* выражает идею противопоставления «*один – много*». Другие же числа в первой десятке культурно коннотированы. Так, *два* «... получает преимущественно отрицательную оценку, считается «дьявольским» числом; реже оценивается положительно. Два одинаковых предмета, двойные или сдвоенные предметы могли, по поверьям, принести неудачу и даже смерть. Соответственно этой оценке отрицательно трактуется удвоение, повторение одного и того же действия, четность, удвоение» [СД, т. 5: 544]. Двойка для китайцев – положительная цифра, обозначает «пара». В Китае обычно говорят «все хорошие вещи приходят в паре», это означает, что число «два» удачное, счастливое. Поэтому китайцы поклоняются цифре «два». Одновременно это отражает китайский традиционный эстетический принцип симметрии. Например, в китайском языке находится идеограмма «си» “喜” (счастье или радость), и в случае брачной церемонии

часто пишут эту идеограмму дважды и называют ее «Шуан-си» “囍” (двойная радость). Кроме того, на свадьбу китайцы берут пару предметов. Это обозначает, что молодожены будут жить счастливо.

В России число *три* – одно из самых положительных чисел-эмблем не только в символике, но и в религиозной мысли. В Священном Писании оно является символом Бога и Святой Троицы [СД, т. 1: 136-137, 142, 149 и др.]. Известно выражение: *Бог троицу любит*. Использование числа три наиболее частотно в фольклорных и художественных текстах. Число *три* еще символизирует «развитие и завершенность процесса, полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец, чаще всего фигурирует в предписаниях трижды совершать то или иное магическое действие (обход, закрещивание, окуливание, произнесение заговора и др.), например: указания к произнесению заговоров: «говорить трижды», «ударять трижды», «три раза плюнуть», «трижды читать молитву», «мыться по трем зорям» и т. п.» [Там же]. См. также: [Коновалова 2014: 68-72; Gridina 2020: 103-107].

В китайской культуре *три* тоже очень часто используется. Есть такое выражение: «*Дао рождает одно, одно рождает два, два рождают три, и три рождают все существа*». («Дао дэ цзин», Глава сорок вторая). В «Шовэнь цзецзы» написано: «*Три – это истина о небе, земле и человеке*». То есть небо, земля, и человек являются основой вселенной. Небо, Земля и находящийся между ними Человек, вместе именуемые «Великой Тριάдой», или «Тремя Началами». Считалось, что компоненты этой системы взаимозависимы и изменение в одной из них неизбежно отзывается в остальных. Небо, земля, человек – три гармоничных единства являются высшим уровнем интеграции и гармонии вещей. В «Ши цзи» (Исторические записки) написано: “数始于一， 终于十， 成于三” (Числа начина-

ются с *один*, заканчиваются *десятью*, и зреют, формируются в *три*). И в буддизме три периода времени (прошлое, настоящее, будущее) и три существования (прошедшее, настоящее и будущее) составляют основу буддийского мировоззрения. Эти два понятия обеспечивают условия для идеи перевоплощения и кармы, и это породило буддийскую теорию: человек имеет «Троякую карму» (телесная, словесная, мысленная); «Три воздаяния» (прижизненное воздаяние, воздаяние (за сделанное добро и зло) в том же воплощении; возмездие в будущем; расчет физических элементов для прошедших периодов времени).

Заметим, однако, что в повседневной жизни китайцы его избегают, так как цифра «три» на китайском языке звучит как «развод». Ср. описание восприятия фоносемантов в русском языке в: [Ваулина 2012]. В китайской культуре «три» также используется для обозначения дополнительных лиц или вещей, выходящих за рамки обычного, например: «第三者» (третье лицо) или «小三» (маленькая тройка), что относится к другому человеку, который не должен появляться в мире двух человек (= любовница). «三只手» (три руки) означает вор, потому что у вора на одну грязную руку больше, чем у нормального человека.

Китайцы не любят цифру 4 (хотя она относится к четным числам), т. к. ее произношение созвучно со словом «смерть». Многие не используют номера телефона и машины с цифрой «четыре»; в некоторых гостиницах Китая отсутствуют номера с числом четыре. В русской лингвокультуре этот нумератив не имеет мифосимволических смыслов, о чем свидетельствует, в частности, отсутствие устойчивых выражений с этим числом.

Пять в русской народной культуре не входит в круг мифосимволически насыщенных, и в китайской традиции считается нейтральным числом, хотя в соответствии с классической китайской философией она связана с пятью

первоэлементами, из которых создан мир и которые находятся в гармонии (вода, огонь, земля, дерево и металл). Также это пять вкусов: сладкий, горький, кислый, соленый, пряный (острый), и пять священный китайский гор, и пять традиционных китайских благ, которые желают человеку в жизни: здоровье, долголетие, радость, достаток и удача [<http://jj-tours.ru>].

Шестерка в Китае считается счастливым числом. По-китайски шесть произносится как слово *течь*, отсюда ассоциация шестерки с понятием “гладко” в смысле “как надо”, “хорошо” или “как по маслу”. В древнем Китае цифра *шесть* созвучна со словом “禄” (служебное положение), она является необходимой частью в китайском искусстве (福 (счастье), 禄, 寿 (долголетие), 喜 (радость). В Китае есть обиходное выражение: “六六大顺” (две большие шестерки вместе), что означает “все идет как надо”.

А в русском языке *шесть* редко употребляется с положительными коннотациями. Число *шесть* традиционно считается дьявольским. 666 воспринимается как знак дьявола, нечистой силы, возможно, это связано с идеей оборотничества и объясняется тем, что знак 6 – это перевернутая цифра 9, обладающая положительными коннотациями религиозного характера: девять ангельских чинов, состоящих из трех иерархий по три чина [СД, т. 1: 108].

Число *семь* в глубокой древности играло значительную роль, «... семёрка была связана с учением о свойствах Духа Святого и с христианской этикой», поэтому его считают магическим и счастливым числом. Число *семь* воплощает значение полноты и гармонии человеческого существования [СД, т. 1: 306]. Есть выражение *на седьмом небе*, которое выражает высшую степень радости, счастья. Заметим, что связи нумеративов с основными параметрами человеческого существования отражаются в ассоциативных словарях, в том числе как факты метаязыковой рефлексии но-

сителей языкового сознания [Kononova 2020: 399-403]. Китайцы считают, что «семерка» связана с похоронами. Китайцы, в соответствии со своими обычаями, соблюдают семь периодов траура по умершему в течение семи семидневков, т. е. 49 дней после смерти, в течение которых каждые семь дней сжигают бумажные деньги и ставят жертвенную еду. Считается, что именно в седьмой месяц по лунному календарю из потустороннего мира возвращаются духи предков и бродят по земле. Увидеть призрака в это время – это предзнаменование, не сулящее ничего хорошего. С цифрой семь связана популярная версия относительно названия дня двух семерок: это притча о Пастухе и Ткачихе, которые могут встречаться только один день – седьмого июля (7.7) каждого года. Ещё другое объяснение, что в «Хуан-Ди нэй-цзин» (Канон Жёлтого императора о внутреннем – древнекитайский текст, являющийся основополагающим для традиционной китайской медицины) написано: «Для женщины семь лет – один физиологический цикл, каждый второй цикл, произведет большие физиологические изменения, седьмые седмины (сорок девять) – это конец жизненного цикла, когда женщине исполняется больше сорока девяти лет, жизнь начинает рушиться».

Восемь – культурно не маркированное число в обоих языках, что подтверждается практическим отсутствием этого нумератива в фольклоре и идиоматике.

Согласно «И Цзину», *девять* – самое большое янское число; девятый день девятого лунного месяца (дважды девять) обладает огромной силой ян и поэтому потенциально опасен, так как, дойдя до крайности, вещь неизбежно превращается в свою противоположность. В русской лингвокультуре *девять* используется в самых разных магикоритуальных практиках и оценивается положительно: растения с девятью листиками, зашитые в одежду девять прутиков помогают в лечении разных болезней [СД, т. 1: 310,

337]; девять булавок, воткнутых в одежду, помогали распознать ведьму [СД, т. 2: 370]; девять кузнецов ковали обереги от нечистой силы [СД, т. 3: 21], девять раз по девять окуривали домашний скот, новый дом, хозяйственные постройки и т. д., чтобы они не подвергались порче [СД, т. 3: 544].

Сопоставительный анализ символики нумеративов в русской и китайской лингвокультурах позволяет сделать следующие предварительные выводы:

Во-первых, нумератив не только отдельная языковая единица, это один из значимых компонентов национальной культуры. Цифра выражает различные чувства и оценки объектов окружающей жизни.

Во-вторых, при наличии внешне одинакового «цифрового мира» разные народы по-разному воплощают в нумеративах свои взгляды относительно мироустройства, что во многом объясняется национальными традициями, верованиями, мироощущением, философскими воззрениями.

В-третьих, отношения к нумеративам в рамках семантической оппозиции «чет-нечет» у двух народов абсолютно противоположные. В России (за исключением числа *тринадцать*) «...в подавляющем большинстве случаев положительно оцениваются нечетные числа, с которым связывается представление об удаче, счастье, благополучии, а отрицательно – четные числа. Обратная оценка характерна главным образом для контекста свадьбы <где> парность наделяется магической семантикой соединения, доминирующей в общем смысловом поле брака» [СД, т. 5: 537]. В Китае наоборот, отрицательно оцениваются нечетные числа (за исключением четверки, символика которой была описана выше).

Наконец, общим для двух лингвокультур является постулат о числе как важнейшем параметре моделирования архаической картины мира, его мифосимволической значимости, что находит подтверждение как в использовании

нумеративов в традиционных магико-ритуальных практиках, так и в прагматике современного быта двух народов.

Литература

Ваулина И. А. Аспекты восприятия экспрессивного слова: экспериментальные данные // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 163-169.

Герасименко Н. А., Канафьева А. В., Леденева В. В. Русский язык: учебник для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования / Московский государственный областной университет. – М., 2003. – 491 с. – (Сер. Среднее профессиональное образование).

Герасименко Н. А., Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е. Русский язык: простое и сложное: уч. пособие для образовательных учреждений с углубленным изучением русского языка и литературы. – М., 2014. – 564 с.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метафора в свете национальной ментальности: монография. – Екатеринбург, 2020. – 226 с.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119-131.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И., Ли С. «В час по чайной ложке»: этнокультурная символика фразеологии с темпоральной семантикой в русском и китайском языках // Язык, культура и «мягкая сила»: сборник научных трудов. – 2018. – С. 98-104.

Коновалова Н. И. Интерпретация сакрального текста традиционной народной культуры // Мова. – 2014. – № 21. – С. 68-72.

Коновалова Н. И. Традиционная народная культура в зеркале языка // Филологический класс. – 2012. – № 3 (29). – С. 5-11.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Н. И. Толстого. – М., 1995.

Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2000.

Gridina T. A. Text generation strategies for the future of digitalization of experimental data // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020). – 2020. – P. 103-107.

Konovalova N. I. “Russian associative dictionary” as a source of information about metalanguage consciousness in verbal memory of speakers // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020). – 2020. – P. 399-403.

刘波. 俄汉语中的数字文化差异[D]. 辽宁大学 2011.

王凯丽. 俄汉民族数字文化分析对比[D]. 上海外国语大学 2012.

УДК 372.881.161.1

Аккозина А. Э. (УрГПУ, Екатеринбург)

Исторический комментарий фактов современного русского языка в средней школе

Аннотация. Статья посвящена историческому комментированию некоторых фактов современного русского языка. Предварительно проводился анализ параграфов школьного учебника по русскому языку для 5-го класса на предмет объема и качества исторических сведений, в ходе которого было установлено, что исторический комментарий в основном недостаточен. В публикации предлагаются образцы исторического комментария и примеры заданий для отработки теоретической исторической информации на уроке.

Ключевые слова: исторические комментарии; методика русского языка в школе; русский язык; методика преподавания русского языка; древнерусский язык; старославянский язык; история русского языка; пятиклассники.

Сведения об авторе: Аккозина Александра Эдуардовна, студент 4 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Научный руководитель – Иванова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент.

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; aleksandra.akkozina@mail.ru.

Akkozina A. E. (USPU, Yekaterinburg)

Historical commentary on the facts of modern Russian in secondary school

Abstract. The article is devoted to the historical commentary on some facts of the modern Russian language. A preliminary analysis of the paragraphs of the school textbook on the Russian language for the 5th grade was carried out for the volume and quality of historical information, during which it was found

that the historical commentary was mostly insufficient. The publication offers examples of historical commentary and examples of assignments for practicing theoretical historical information in the lesson.

Keywords: historical commentary; methodology of the Russian language at school; Russian language; methods of teaching the Russian language; Old Russian language; Old Slavonic language; history of the Russian language; fifth graders.

About the author: Akkozina Alexandra Eduardovna, 4th year student of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

В каждом вузе в образовательных программах, которые так или иначе связаны с филологией, есть дисциплина «История русского языка» или «Историческая грамматика русского языка». В образовательных программах по иностранному языку также можно увидеть курсы по истории изучаемого языка. Отсюда следует, что изучение языка с диахронной точки зрения является важной и неотъемлемой частью освоения образовательной программы при получении высшего образования. Если существует необходимость преподавания этой дисциплины при обучении студентов-филологов, то почему тогда материалы (естественно в сокращенной и адаптированной для школьников форме) по истории языка чаще всего не включаются в учебные комплексы по русскому (и не только) языку в общеобразовательных школах? Именно этот факт и подтолкнул нас к собственному историко-лингвистическому исследованию.

В современной школе на уроках русского языка чаще всего не объясняются причины появления некоторых правил орфографии или же наоборот – исключений из этих правил. Очень редко учителя пытаются объяснить своим ученикам механизмы определенных языковых процессов, которые, например, обусловили появление беглых гласных, различных чередований звуков, вариантности окончаний и

прочее. Обычно такие случаи в языке, которые невозможно растолковать без обращения к его истории, сопровождаются фразой: «Так сложилось исторически, просто запомните это». Но порой без понимания сути процесса изменения языка сложно осознать язык как динамичную, постоянно развивающуюся по своим законам, систему. Чтобы лучше понимать язык, чтобы его закономерности или же отступления от этих закономерностей стали ясными, необходимо разбираться именно в механизмах, происходивших на более ранних этапах его развития. Тогда многие, казалось бы, никак и ничем не мотивированные правила русской орфографии, станут абсолютно понятными и обусловленными развитием языковой системы русского языка.

Ниже представим несколько разработанных нами комментариев и упражнений к темам, где исторический комментарий, на наш взгляд, необходим, сопоставив его при этом с комментарием из классического пособия по истории языка для учителей (!) В. В. Иванова и З. А. Потихи «Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе» (1985).

Так, например, в § 11 «Буквы и, у, а после шипящих» приводится правило: «После шипящих ж, ч, ш, щ пишутся и, у, а, не пишут ы, ю, я» [Русский язык. 5 класс 2011: 22], но не объясняется причина такого написания. В. В. Иванов и З. А. Потиха дают следующее объяснение: «Шипящие [ж], [ш] и аффрикаты [ч'] и [ц] появились еще в праславянском языке в результате смягчения определенных согласных звуков. Поэтому шипящие и [ч'], [ц] в древнерусском языке были только мягкими. Это подтверждается орфографией древних памятников: мужь, похожую, душыа, лечю, отьць и т. п.» [Иванов, Потиха 1985: 32-33].

Шипящие [ч'], [ц] в древнерусском языке были вторичными мягкими согласными, появившимися в результате переходных смягчений и йотовой палатализации – фоне-

тических процессов, происходивших еще в доисторическую эпоху, при которых твердые заднеязычные согласные [г], [к], [х] в определенных условиях изменялись в мягкие вторичные шипящие [ж'], [ч'], [ц]. Это подтверждают различные чередования шипящих [ч'], [ц] с группами согласных и твердыми заднеязычными согласными в современном русском языке. Далее в рамочке представлен комментарий, который мог бы присутствовать в материалах именно для школьников к данной теме:

«Жи-, ши- пиши с буквой «и» – раньше согласные «ж» и «ш» были мягкими, и поэтому могли сочетаться только с «и». Сейчас эти звуки отвердели, а пишем мы все также, по традиции.

Ча-, ща- пиши с буквой «а» – «ч» и «ш» всегда мягкие, поэтому дополнительный «сигнал» о мягкости, то есть гласный, который на это указывает, не нужен.

Также перед вами пример упражнения для закрепления теоретических знаний на практике.

Упражнение № 1

Вы знаете, что в древнерусском языке согласные «ж» и «ш» были мягкими. Прочитайте следующие слова так, как они бы звучали в древнерусском.

Жизнь, жимолость, шить, коржи, мыши, шины, ужи, лыжи, ужин.

В § 20 «Имя существительное» учебника представлено следующее правило: «Мягкий знак после шипящих на конце слова пишется у существительных только 3-го склонения» [Русский язык. 5 класс 2011: 39]. Комментарий В. В. Иванова и З. А. Потихи к теме «Типы склонений име-

ни существительного»: «В отличие от современного состояния русского языка, где существительные, за небольшим исключением, изменяются только по трем типам склонения, система склонения в древне русском языке была, более сложной. Во-первых, самих типов склонения было больше, чем теперь, а во-вторых, распределение существительных по этим типам было менее тесно связано с распределением их по родам: существительные одного и того же рода могли входить в разные типы склонения, и в одном типе склонения могли оказаться существительные разной родовой принадлежности» [Иванов, Потиха 1985: 68].

Мы бы объяснили так: это связано с историей образования склонений в современном русском языке. В древнерусском языке было 5 основных типов склонений существительных, и в определенный период развития языка произошло функциональное объединение 5-ти типов в 3 по принадлежности к одному и тому же роду, и формальному сходству окончаний в начальной форме. Исходя из этого, основой для 3-го склонения в современном русском стали слова с древней основой на *i краткий женского рода, т. е. с окончанием ь, сейчас «ь» является лишь буквой и несет только грамматическое значение [Борковский, Кузнецов 2006: 187].

Вот так может выглядеть комментарий этого грамматического явления для школьников:

В древнерусском языке было пять основных типов склонений существительных. Но с течением времени произошло объединение пяти типов склонений в три, так появилась современная система склонений имен существительных в русском языке.

Упражнение № 2

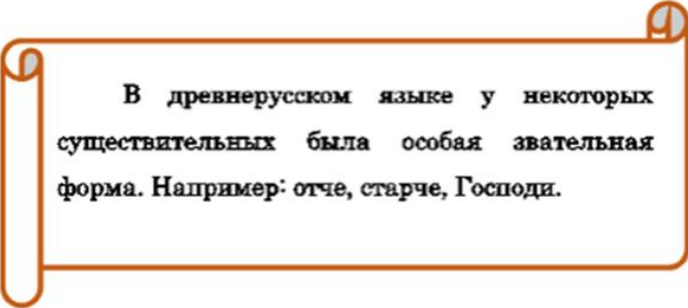
Перед вами таблица «Пять основных типов склонения имен существительных в древнерусском языке». Выпишите те слова, которые в современном русском языке относятся к 3-му склонению.

*а, *ја	*о, *јо	*и	*ї	*согласный
Земля	Стол	Сын	Кость	Небо
Тетя	Поле	Чин	Гость	Чудо
Жена	Конь	Сан	Мышь	Мать
Долгота	Село	Дом	Гусь	День
Кожа	Ключ	Верх	Ночь	Дитя
Простыня	Нож	Вол	Перстень	Бровь

В правиле к § 42 «Предложения с обращениями» говорится о том, что «обращение произносится с особой – звательной – интонацией» [Русский язык. 5 класс 2011: 85]. В. В. Иванов и З. А. Потиха следующим образом комментируют это явление: «В художественных произведениях XIX в. учащиеся могут встретить еще одну форму существительных древнерусского языка, о которой выше ничего не говорилось, так как в современном языке никаких следов этой формы не сохранилось. Речь идет о так называемой звательной форме, которая употреблялась обычно в

функции обращения (термин образован от глагола звать) и рано стала заменяться формой именительного падежа» [Иванов, Потиха 1985: 83].

Мы предлагаем комментарий к этой теме в такой форме:

В древнерусском языке у некоторых существительных была особая звательная форма. Например: отче, старче, Господи.

Упражнение № 3

Найдите и подчеркните в следующих предложениях существительные в звательной форме.

1) *Что тебе надобно, старче?! 2) Боже, помоги! 3) Ты, отче патриарх, вы все бояре, обнажена душа моя пред вами ... 4) Братие и дружино! 5) Что же это делается, Господи?*

В § 64 «Слово и его лексическое значение» сказано, что «каждое слово что-то обозначает» [Русский язык. 5 класс 2011: 133]. На наш взгляд, теорию из учебника необходимо дополнить информацией о том, что значение слов может меняться с течением времени.

В пособии для учителя В. В. Иванова и З. А. Потихи ничего не сказано про изменение лексического значения слова, сделан акцент на морфологических характеристиках и категориях. Нам же думается, что об этом необходимо говорить учащимся. Тем более это тесно связано с такими понятиями, как историзмы и архаизмы.

С течением времени слово может менять свое лексическое значение. В разные эпохи порой одно и то же слово могло означать совершенно разные понятия. Так, например, слово «трус» раньше означало «землетрясение», сейчас же значение изменилось, и теперь это слово обозначает человека, который боится многих вещей.

Упражнение № 4

Вы знаете, что порой у слова может меняться значение. Пользуясь толковым, этимологическим словарями и ресурсами интернета (при необходимости), проследите как изменилось значение у выделенного слова в каждом предложении.

- 1) У нас появился урод! 2) Она очень умная, она ведьма! 3) Подлец, пооди сюда! 4) Освободите гостинец, купцы едут! 5) Да он же врач! 6) Оплатите продажу князю за порчу имущества. 7) У меня сегодня неделя. 8) Еле от труса спасся, пустите на ночлег?

В § 71 «Изменение и образование слов» стоит обратить внимание на то, что при формо- и словообразовании очень часто можно встретить различные чередования звуков в морфемах. В работе В. В. Иванова и З. А. Потихи много говорится о фонетических чередованиях в словах, но не делается акцент на том, что происходит это, как правило, при формо- и словообразовании. В пособии представлены и анализируются конкретные примеры. Мы полагаем, что при обучении детей необходимо сделать акцент на то, когда именно, чаще всего, происходят чередования, а не только на сам факт их существования, как это делается в

учебнике (дана таблица с чередующимися звуками и подобран типичный пример к каждому чередованию).

В современном русском языке очень часто при формо- и словообразовании можно встретить чередования разных звуков. Причины этого кроются в исторических изменениях русского языка. Например, в слове «сон» при его изменении «пропадает» гласная О, а при образовании однокоренного слова «бег» от «бежать» меняется буква в корне слова. И таких случаев в русском (да и не только) языке очень много, что говорит об очень давних фонетических процессах.

Упражнение № 5

Известно, что исторические чередования чаще всего встречаются в корне слова. Проверьте по словообразовательному словарю, будут ли представленные пары слов однокоренными?

Сон – сновидение, колокол – клацать, есть – травоядный, отец – отечество, беречь – оберег, бить – боевик, блестеть – отблеск, близкий – приближение, граница – ограниченный, грести – гребля, густой – сгущенка, день – дневальный, дорога – железнодорожный, ехать – наездница, жать – обжим.

Таким образом, в ходе анализа учебника по русскому языку для учащихся 5-х классов общеобразовательных учреждений под редакцией Т. А. Ладыженской и М. Т. Баранова был выявлен ряд тем (в разделах «Орфография», «Морфемика и словообразование», «Лексика и фразеология» и др.), изучение которых предполагает введение в урок информации по истории русского языка для форми-

рования у учеников четкого представления о языке как системе, живущей и развивающейся по своим определенным законам, и современном русском языке, имеющем генетические связи с древнерусским и старославянским языками.

Литература

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М.: КомКнига, 2006. – 512 с.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1990. – 400 с.

Иванов В. В., Потиха З. А. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе: пособие для учителя. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.

Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцева и [др.]. – 38-е изд. – М.: Просвещение, 2011. – 317 с.

УДК 811.161.1'42

Алферова А. К. (УрГПУ, Екатеринбург)

Семантика глагольных форм в русских народных заговорах

Аннотация. В статье, основой которой является анализ соотношения слова и действия в русских заговорах, выявлены наиболее частотные глагольные формы, выделены базовые тематические группы глаголов, значимые для воплощения прагматики жанра. Представлена особая группа глаголов – перформативы, которые равносильны самому осуществлению действия и наиболее «востребованы» заговором как суггестивным текстом, соединяющим реальное и воображаемое действия.

Ключевые слова: заговорные тексты; заговоры; глагольные формы; тематические группы; ритуальные действия; перформативы; русский язык.

Об авторе: Алферова Анна Константиновна, студент 2 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; anuta-alf@mail.ru.

Alferova A. K. (USPU, Yekaterinburg)

Semantics of verb forms in Russian folk spells

Abstract. The article, the basis of which is the analysis of the relationship of word and action in Russian spells, revealed the most frequent verb forms, highlighted the basic thematic groups of verbs significant for the implementation of pragmatics of the genre. A special group of verbs is represented – performatives that are equivalent to the implementation of the action itself.

Keywords: conspiracy texts; conspiracies; verb forms; thematic groups; ritual actions; performatives; Russian language.

About the author: Alferova Anna Konstantinovna, 2nd year Student of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Заговоры, как и другие сакральные тексты (например, приметы, заклинания, народные загадки), являются источником знаний о жизни и духовной культуре прежних эпох. С понятием заговора связаны такие характеристики, как таинственный, ритуальный, сверхъестественный, магический. В. А. Маслова отмечает, что во всяком русском слове, если проникнуть в его глубины, можно увидеть сакральный код. Для русского народа «характерна вера в слово как в непосредственное созерцание Божественной истины» [Маслова 2019: 39]. Таким образом, язык является основным источником веры. Произнося заговор, люди верили, что сверхъестественная сила поможет им претворить желаемое в действительность.

Объектом анализа в данной статье являются русские народные заговоры, а предметом – глагольные формы в заговорных текстах, что связано с проблемой «... соотношения слова и действия в заговоре, поскольку ... правомерно характеризовать заговор как прагматический коммуникативный акт, субъект которого с помощью сакрального текста апеллирует к различным видам магии с целью достижения желаемого эффекта» [Коновалова 2004: 69].

Заговорные тексты обладают колдовской и целебной силой. Отсюда вытекает прагматическая функция заговоров, которая заключается, как уже говорилось выше, в претворении ирреальности в реальность. В ходе исследования перед нами стояла задача выявить наиболее частотную глагольную форму, которая является обозначением действия в заговорах. Было проанализировано 214 глагольных форм и 100 контекстов их употребления. Анализ материала показал, что наиболее частотны формы повелительного и сослагательного наклонения. Преимущественное исполь-

зование повелительной глагольной формы в заговорных тестах объясняется спецификой этого жанра – обращением субъекта с просьбой, мольбой, приказом что-либо исполнить: «*Куры, куры, **отдайте** мне зрение, **возьмите** себе слепоту*». Помимо этого императивы усиливают магическое воздействие текста. Формы сослагательного наклонения так же объясняются прагматикой жанра. Как и формы повелительного наклонения, они выполняют функцию воздействия на окружающий мир и на того, к кому обращался заговаривающий: «*Как это серебро любят, так **бы** меня, рабу Божию, **любили** вся семеюшка: свекор-батюшко, свекровка-матушка, деверя, золовушки, суседи, суседушки*». Однако сослагательное наклонение смягчает воздействие, переводя приказ в форму пожелания. Стоит обратить внимание и на формы изъявительного наклонения в настоящем времени. Это настоящее время не привязано к конкретному моменту или ситуации, оно является обобщенным. Глагольные формы настоящего времени встречаются в заговорах в моменты описания и выполняют функцию вхождения субъекта в потусторонний мир, магический центр. Интересно, что описание может как соответствовать, так и не соответствовать реальным действиям, происходящим при произнесении заговора. Например: «*...Выйду в чистое поле. В чистом поле **стоит** огненный столб, из-под этого столба **течет** огненная река, по этой реке **плывет** лодка, в этой лодке **сидит** чёрт с чертихой...*» – мы ясно понимаем, что такие явления в действительности происходить не могут.

В ходе исследования выяснилось, что глагольные формы могут выступать в несобственном значении. Например: «*Дай, Господи, хорошего сватовства, чтоб гладко и сладко все **прошло** и **вышло!***». Глаголы *прошло* и *вышло*, по форме напоминающие прошедшее время, в контексте заговора выступают в значении сослагательного наклонения.

Такая же ситуация и в следующем примере: *«В прежнее время были цари Демьян, Константин и Соломон. Были они кротки, смиренны и тихи перед Иисусом Христом. Так же и муж мой (имя рек), **был тихий, кроткий и смиренный** перед женой своей (или перед матерью), **не буянил** над женой (имя рек)»*. Частица «бы», указывающая на отнесенность глагола к сослагательному наклонению, пропущена, но легко восстанавливается. Во-первых, с учетом типовых структур заговора (как А ..., так бы и Б ...); во-вторых, контекст содержит пожелание, например, чтобы муж не буянил, не пил..., а пожелание не может быть выражено прошедшим временем. Таким образом, можно отметить имплицитный смысл формы сослагательного наклонения, которая по содержанию выражает значение побудительного (= действие желаемое): имплицатура – «пусть мой муж будет тихим, кротким, смиренным, как цари» (в первой части сравнения). Как известно, «элемент пожелания в заговорах развит очень сильно, хотя далеко не всегда в форме сравнения [Познанский 1995: 67].

Следующим шагом нашего исследования стало выделение базовых тематических групп глаголов, семантика которых отражает прагматически значимые для заговорного текста доминанты магико-ритуальных действий (см. об этом в: [Гридина, Коновалова 2017; Бекасова 2020; Мурзина и др. 2012]). Обозначим их в порядке следования в типичных заговорных сюжетах:

1. Глаголы, обозначающие движение заговаривающего субъекта в моделируемом заговорным текстом пространстве: *стану / встану, пойду, выйду* и др.: *«**Стану**, не благословясь, **пойду**, не перекрестясь, не из дверей в двери, не из ворот в ворота. **Выйду** в чистое поле...»* (заговор на любовь).

2. Глаголы говорения, которые характеризуют речевые формулы как самого заговаривающего (*помолюсь, скажу,*

созову, закричу, выскажу), так и других участников заговора – помощников, вредителей, олицетворенных объектов и т. п. (*грызутся* (= ругаются), *цапаются* (= ссорятся), *спросят, проговорят, (не) говорят*): «...На том дереве сидят птицы – железные носы, булатные когти. Я этим птицам **помолюсь**, поклонюсь и **скажу**: – Птицы-железные носы, выймете у меня, рабы Божьей, тоску и сухоту рабу Божьему Ивану...» (заговор на любовь).

3. Глаголы, обозначающие состояния, чувства: *испугаться, радоваться, влюбиться, (не) бояться, любить, (не) болеть / (не) боливать, спать, утихать, сухотовать* (= страдать), *мучиться, ненавидеть* и др.: «Как **любят** денежку, так и меня **любите**, девушку» (заговор на красоту).

4. Глаголы мыслительной деятельности: *(не) думать, мыслить, (не) мечтать, вспомнать / помянуть* и др.: «...Так же бы (имя жены) с (имя мужа) сидели вместе хребтами, дрались, щипались, одной думы **не думали**, одних мечтов **не мечтали**, за один стол не садились, на одну постель спать не ложились...» (заговор на разлучение).

5. Глаголы зрительного (визуального) восприятия: *видеть, усмотреть, углядеть, (не) глядеть, не сводить глаз, присмотреться, приглядеться, зрить, (не) видаться*: «...Пойду я, раба Божья (имя), в пир-беседу ко подружкам своим. Всех бы я подружек была бассей и милей, все **бы** на меня **зрили и глядели**...» (заговор на красоту).

6. Глаголы бытийной сферы: *жить, скоротать, быть, не бывать, наживать, вековать, дневать, домить* (= вести домашнее хозяйство): «Поедем с нами домой, дом **домить**, скотинушку **разводить**...» (заговор на благополучие дома).

7. Глаголы соединения/приближения: *созвать, соби-
рать, (не) стыкаться* (= соединяться), *принимать, встречаться* и др.: «Встану на заре, умоюсь, белым платочком утрусь, пойду во двор, со двора на улицу, встану

середы, три раза обернусь. Созову трех чудищ...» (заговор на любовь). Стоит отметить, что глагол *созвать* обозначает не только процесс говорения, но и процесс соединения (ср. импликатуру: «я созову, то есть соберу всех вместе»). Таким образом, одна и та же глагольная форма может обладать комплексной семантикой, то есть входить в несколько тематических групп.

8. Глаголы исчезновения, уничтожения, разрушения: *кануть, съесть, потушить, сжечь, избавить, рвать*: «*Стань на камень, кровь **не канет**, нитка **рвется**, кровь печется*» (заговор на раны).

9. Глаголы, обозначающие световые явления: *блестит, горит, пылает, переливается, тухнет – потухает*: «*Серебро чисто **блестит**, его любят, и меня любили бы, как серебро*» (заговор на красоту).

Менее продуктивны группы глаголов физиологической сферы (*отрыгивать, заесть, запить*), осязательного и аудиального восприятия (*жечь, обжигать, слыхом-слыхать*) и др.: «*...Не единого костя не болеть и не боливать. Ломоты не ламывать. И отрыжки **не отрыгивать**. Аминь*» (заговор от ран и болезней); «*Как от мертвеца несет мертвым духом, и народ свое рыло воротит, **слыхом-слыхать** тот дух не хочет. Так бы и (имя) от хмельного рыло воротила*» (заговор на лечение женщин-пьяниц).

Перечисленные группы глаголов, на наш взгляд, максимально соответствуют «предикатоцентричности» заговора, «... прагматика <которого> основана на том, что кодирование и декодирование информации осуществляется участниками сакральной коммуникации, владеющими неким общепризнанным набором магико-символических знаков, правил их сочетания и навыками их выбора и использования в определенных ритуалом целях» [Коновалова 2012: 18-20].

Особую группу заговорных глаголов составляют так называемые перформативы. Джон Остин – английский философ, основоположник теории перформативности – в ходе исследования заметил, что, «помимо языковых выражений, описывающих действительность, есть такие выражения, которые сами по себе являются действиями – это и будут перформативы» [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/17608/> (дата обращения: 24.01.2021)]. В своей знаменитой работе «Слово как действие» [Новое в зарубежной лингвистике...1986] перформативами (от лат. *performato* «действую, совершаю») ученый называл речевые акты, равноценные поступку [Логический анализ языка 2003]. Отмечается, что в большинстве случаев в качестве перформативов выступают глаголы первого лица в единственном числе. Именно эта глагольная форма наиболее востребована в заговорных текстах, где слово и действие неразделимы. Например: *ступаю, иду, снимаю* и др.: «*На первую ступеньку **ступаю** – мужа заступаю, на вторую ступеньку **ступаю** – свекра заступаю, на третью ступеньку **ступаю** – свекровку заступаю, на четвертую ступеньку **ступаю** – деверьев заступаю, на пятую ступеньку **ступаю** – золовок заступаю...*» (свадебный заговор); «*Клещ, клещ, я **иду** в лес, а ты под корень лезь*» (заговор от укуса насекомых).

Перформативы равносильны самому осуществлению ритуального действия. Их многократное употребление в заговорах обусловлено верой говорящего в переход ирреальности в реальность. В качестве перформативов могут выступать не только глаголы первого лица в единственном числе. Например, *заходим* – глагол первого лица множественного числа: «Суседушко-батюшко, мы заходим с хлебом-солью, и ты заходи с нами. Обуй, одень, накорми!» (заговор на благополучие дома). Данный глагол также обозначает совершение действия в данный отрезок времени, одномоментно с

называнием этого действия. Формы множественного числа демонстрируют мифологический синкретизм реальности и ирреальности: в действительности хозяин с членами семьи входит в дом, при этом предполагается, что незримый домовой («Суседушко-батюшко», «Дедушка домовой», «Дворовой», «Батюшка домовой») присутствует рядом, и его таким образом вовлекают в описываемое ритуальное действие. В этом смысле форма первого лица множественного числа выступает в качестве перформатива.

Литература

Бекасова Е. Н. Креативность на грани сакрального и профанного в древнерусском тексте // Уральский филологический вестник. – 2020. – № 2. – С. 239-256.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119-131.

Коновалова Н. И. Лечебные заговоры как суггестивный текст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2004. – Т. 4, № 7. – С. 67-75.

Коновалова Н. И. Модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре // Педагогическое образование и наука. – 2012. – № 11. – С. 18-20.

Крушевский Н. В. Заговоры как вид русской народной поэзии. – Варшава : Имп. Варшавский ун-т, 1876. – 231 с.

Логический анализ языка: Избранное. 1988–1995 гг. – М., 2003.

Маслова В. А. Образы языка как главной национальной ценности // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. – Витебск, Республика Беларусь, 2019. – С. 38-40.

Мурзина И. Я., Мурзин А. А., Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Краеведческий проект: теория и практика реали-

зации в школе и вузе // Филологический класс. – 2012. – № 3 (29). – С. 39-47.

Остин, Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / Основы теории речевых тактов / перевод с английского А. А. Медниковой. – М., 1986.

Познанский Н. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. – М., 1995.

Русские заговоры и заклинания: материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 480 с. – (Русский фольклор в новых записях).

URL: <https://postnauka.ru/faq/17608/> (дата обращения: 24.01.2021).

УДК 811.161.1'42

Беляева Я. Д. (УрГПУ, Екатеринбург)

«Солнце? Заря? Река? – Кто поможет?..»:

**Параллелизм природного
и человеческого существования в лечебных заговорах
традиционной народной медицины**

Аннотация. В статье анализируется психологическая основа синтаксического параллелизма в сакральных текстах традиционной русской народной медицины. Автором представлена одна из возможных семантических интерпретаций сопоставления человеческого и природного существования в заговорном синтаксисе, что соответствует идее мифологической партиципации. Это позволяет выявить культурные смыслы синтаксического параллелизма в заговорах и его роль в создании суггестивного эффекта лечебных заговоров.

Ключевые слова: синтаксический параллелизм; сакральные тексты; лечебные заговоры; метафоры; суггестия; народная культура; русский язык; народная медицина.

Сведения об авторе: Беляева Яна Дмитриевна, студент 2 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; anabelyae@ya.ru.

Belyaeva Ya. D. (USPU, Yekaterinburg)

“The sun? Dawn? A river? – Who will help?..”:

**The parallelism of natural and human existence
in the healing spells of traditional folk medicine**

Abstract. The article analyzes the psychological basis of syntactic parallelism in the sacred texts of traditional Russian folk medicine. The author presents one of the possible semantic interpretations of the comparison of human and natural existence in spell syntax. This allows us to identify the cultural meanings

of syntactic parallelism in spells and its role in creating the suggestive effect of medical spells.

Keywords: syntactic parallelism; sacred texts; healing conspiracies; metaphors; suggestion; folk culture; Russian language; ethnoscience.

About the author: Belyaeva Yana Dmitrievna, 2th year student of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Современные лингвокультурологические исследования позволяют «...выявить архетипические модели осмысления действительности, стереотипы национального сознания, представленные в наивной языковой картине мира. Архетипы (<греч. arche ‘начало’, typos ‘образ’) – первообразы коллективного бессознательного – свойственны каждой культуре, поскольку именно через их посредство в регулярно повторяющихся формах интерпретации (верованиях, ритуалах, фольклорных текстах, метафорах) выявляются истоки традиций, истоки национального характера» [Гридина, Коновалова 2020: 15]. Одним из наиболее показательных источников языковых стереотипов являются лечебные заговоры. Язык заговоров «... конституирует основные параметры взаимодействия макро- и микрокосма (природы и человека), важные, с точки зрения носителей архаического сознания, приемы воздействия человека на окружающий мир, ибо языческое мировидение определялось верой в магическую силу слова – наименования предмета, действия, явления, – тождественного магическому действию (ритуалу, обряду). Одним из элементов такого взаимодействия человека с болезнью является антропоморфизация природных явлений» [Коновалова 2018: 98].

Заговорные тексты, несущие в себе особую реальность, так называемый нереальный хронотоп, имеют свою специфику не только в содержательном плане, но и в плане реализации сакральных канонов, «базирующихся на вере в магическую силу слова, обряда, действий с предметами ...

Все компоненты семантического пространства «болезнь» ритуализованы и направлены на «заговораживание» болезни» [Коновалова 2012: 7]. К важным для заговора способам создания нереальности хронотопа относится синтаксический параллелизм человеческого существования и природного. А. Н. Веселовский определяет такой параллелизм, не как «отождествление» или «сравнение» человека с природой, а как «сопоставление по признаку действия, движения: *дерево хилится, девушка кланяется*, – так в малорусской песне» [Веселовский 1989: 101]. Таким образом, исходя из мифологической логики партиципации¹, имеет место сопричастность всего живого: человека, растений, природных стихий и т. д. Исследователь также называет параллелизм «*метафорой языка*» [Веселовский 1989: 102] указывая, что данное синтаксическое средство основывается на образности признаков, переносящихся с одного предмета сопоставления на другой. Образность возникает благодаря поэтическому языку, который оживляет в воображении человека природные объекты. Это отношение к природе имеет достаточно глубокие корни и восходит к анимистическому мирозерцанию, о котором А. Н. Веселовский говорит так: «Мы невольно переносим на природу наше самоощущение жизни, выражающееся в движении, в проявлении силы, направляемой волей; в тех явлениях или объектах, в которых замечалось движение, подозревались когда-то признаки энергии, воли, жизни» [Веселовский 1989: 101]. Этот «невольный» перенос ощущения человека на природу находит свое отражение, прежде всего в сакральных текстах выражающих желание говорящего субъекта, а именно в лечебных заговорах, которые

¹ Ср.: Сакральному тексту присуща своя логика – логика условной партиципации, согласно которой принципиально различные связи предметов и явлений представляются в едином семантическом комплексе магической сопричастности [Коновалова 2007: 13].

рассматриваются как «особого рода коммуникативный прагматический акт, субъект которого с помощью сакрального текста апеллирует к различным видам магии с целью достижения желаемого эффекта» [Коновалова 2004: 69].

Направленность лечебных сакральных текстов предполагает самый различный результат: от исчезновения боли до полного выздоровления какого-либо пораженного заболеванием органа. Таким образом, говорящий субъект, обращаясь к лечебному заговору, изъявляет желание, направленное на избавление себя или страдающего человека от недуга. Анимистическая картина мира ненамеренно вовлекает в это изъявление желания избавления от страданий сопричастность всего живого, природного. Отсюда в сакральных текстах возникает обращение к природным явлениям, объектам, растениям и прочему, а также происходит то самое сопоставление по признакам действия или движения, о котором говорит А. Н. Веселовский, то есть параллелизм природного и человеческого существования.

Рассмотрим, например, один из лечебных заговоров от головной боли: *«Как в Великий четверг солнце всходит, радуется, всякими цветами переливается, так бы и моя головушка не болела, не кружилась, жила бы, радовалась»*. Смотреть на восходящее солнце и безмянным пальцем обводить голову, чтобы не болела [Аникин 1998: 230]. В данном сакральном тексте используется множество языковых средств для создания нереальности хронотопа, но доминирующую семантическую нагрузку имеет параллелизм. Сопоставление в данном случае происходит по одному из критериев накопления перенесений в состав параллели, А. Н. Веселовский называет его «соответствием признаков объекта с пониманием жизни и проявляющей волю в действии» [Веселовский 1989: 102]. Это подтверждается тем, что в тексте используются особые глагольные формы [Шаповалова 2006], не изъявительного наклонения,

выражающего значение действия, реального в прошлом, настоящем или будущем, а повелительного и сослагательного наклонений в несобственных значениях: «*не болела (бы)*», «*не кружилась (бы)*» «*жила бы*», «*радовалась (бы)*», т. е. действие, которое предположительно произойдет при определенных условиях, в данном случае в «*Великий четверг*» – религиозный праздник. «Чистый четверг» – страстной четверг, четверг на страстную неделю, один из самых важных мифологически и ритуально насыщенных праздников пасхального цикла [Славянские древности 2012: 555]. Говорящий, безусловно, этого хочет, просит, чтобы желаемое осуществилось, поэтому здесь форма сослагательного наклонения используется в значении повелительного. Ср.: *как солнце радуется ..., так бы и голова не болела = пусть не болит*. А упоминание *Великого четверга*, на наш взгляд, служит в данном случае не условием осуществления желаемого действия, а его «гарантом», усиливая суггестивную силу заговора. Заговор здесь предполагает параллелизм физически детерминированного движения, свечения и изменения цвета небесного объекта с головой человека, имеющей сходные, обусловленные образным сравнением признаки (т. е. солнце – голова). Кроме того, трехкратное перемещение над головой безымянного пальца по кругу имеет избавляющий от боли эффект. Стоит уточнить, что движение безымянного пальца является лишь условием реализации сакрального канона, косвенно принадлежит к вышеуказанной параллели, поэтому не несет в себе того метафорического эффекта, который создает параллелизм *солнце – голова*. Результат произнесения такого сакрального текста предполагает исчезновение головной боли у субъекта, говорящего данную заговорную формулу, поскольку в тексте заговора используется местоимение личной формы «*моя*» [головушка]. Солнце «*радуется*», «*переливается*» приравнивается к тому, что голова

человека перестает болеть, начинает «радоваться». Солнце восходит, т. е. делает новый оборот вокруг земли и начинает новый день, также и человек обводит пальцем вокруг головы, и после завершения ритуальных манипуляций головная боль должна исчезнуть, должно наступить как бы новое для человека состояние, осознающееся как благоприятное, желаемое для его тела. Таким образом, в данном сакральном тексте природное явление (восход солнца, его свечение, движение вокруг Земли) выступает субъектом, который рассматривается как сопутствующий механизм действенности заговорной формулы, т. е. то, что при верной реализации сакрального канона обеспечивает желаемый результат заговора. Параллелизм здесь является усиливающим суггестию языковым средством, он убеждает человека в силе сакрального текста, повышает уровень доверия к нему посредством сближения природного объекта с человеком на основе сходных признаков.

Аналогичные параллели мы встречаем и в других заговорах, например, от пищевых недугов: *«Три раза утром по заре: «Утренняя – Ульяна, вечерняя – Маримьяна, третья тухнет-потухает, отрыжки не бывает»* [Аникин 1998: 234]. В данном случае в сопоставлении участвует заря – «яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца» [Евгеньева 1999: 568], т. е. природное явление, заключающееся в отражении солнечных лучей, и отрыжка – «вывод газов из желудка через рот» [Евгеньева 1999: 708], т. е. с точки зрения данного заговора нежелательное состояние организма. Партиципация здесь основана на сходных признаках и действиях: заря в любом случае *«потухает»*, уступая свое место либо Луне, либо Солнцу, отрыжка также *«потухает»*, исчезает, проходит, как предполагает результат произнесения заговорной формулы (т. е. заря – отрыжка). В тексте самого заговора не указано, чем являются объекты, названные женскими именами Ульяна и

Маримьяна, однако по сопутствующим им определениям становится понятно, что речь идет именно о зорях. Подтверждает это пояснение к тексту, в котором заря непосредственно называется и выступает пространственным условием к реализации сакрального канона. Называние зорь именами указывает на анимизацию, олицетворение данного природного явления. Зори предстают как женские образы, очеловечиваются. Параллелизм в данном тексте выполняет схожие с первым заговором функции: усиливает силу сакрального текста, уровень доверия к нему, за счет сближения природного явления с человеком на основе сходных признаков.

Рассмотрим еще один заговор (от тоски), в котором содержится синтаксический параллелизм: *«Мать река, Ключева вода. Как умывала она Круты берега, Как уносила желтые песка, Так омой-ополощи Печаль и тоску с раба Божьего (имя рек) С ясных очей, Со кровавых печеней, Из ретивого сердца, Из буйной головы. Во имя отца, сына и святого духа. Аминь! Тьфу!»* [Аникин 1998: 342]. Языковое средство создания нереальности, помимо параллели, — многокомпонентная структура с контаминацией показателей сравнения. В данном сложноподчиненном предложении первая предикативная часть «осложнена сравнительными оборотами, «нанизанными» один на другой, что усиливает магический эффект заговорной формулы» [Коновалова 2007: 154]. В данном случае синтаксический параллелизм основан на сопоставлении движений реки, также являющихся приемами мистической партиципации (*омывание, умывание, ополощение, унесение*), и избавления человека от печали, тоски, освобождения от нежелательного чувства. Результат такого сакрального текста предполагает: как река уносит желтые пески (= сыпучие, нетвердые, в отличие от тяжелого камня), умывает берега, так и печаль уходит из души человека, как будто смывается водой.

Важно также здесь то, что река имеет обращение «Мать», т. е. это не профанный локус, отмечается олицетворение, анимизация. Обращение к данному объекту живой природы, наделенному человеческими свойствами (например, «*умывание*»), усиливает параллелизм природного и человеческого существования.

Безусловно, представленные в данной статье природные явления, используемые в сакральных текстах, причисляются к объектам живой природы: они движутся, изменяются. Обращение говорящего субъекта к ним обуславливается синкретическим пониманием природы, развитие которого, по мнению А. Н. Веселовского, не прекращается: «...нет возможности предположить, чтобы оно <выражение религиозной мысли, синкретическое представление природы> иссякло и остановилось: видимый мир постепенно раскрывается для нашего сознания в сферах, казавшихся когда-то нежизненными, не вызывавшими сопоставлений, но теперь являющимися полными значения, человечески суггестивными» [Веселовский 1989: 103].

Литература

Аникин В. П. Русские заговоры и заклинания. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 480 с.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 405 с.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метафора в свете национальной ментальности: монография. – Екатеринбург, 2020. – 226 с.

Евгеньева А. П. Словарь русского языка (МАС). – М.: Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.

Коновалова Н. И. Лечебные заговоры как суггестивный текст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2004. – Т. 4, № 7. – С. 67-75.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: дис. ... д-ра филол. наук / Московский государственный областной университет. – Екатеринбург, 2007. – 354 с.

Коновалова Н. И. Семантическое пространство «Болезнь»: стереотипы русского языкового сознания // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2018. – № 16. – С. 93-101.

Коновалова Н. И. Традиционная народная культура в зеркале языка // Филологический класс. – 2012. – № 3 (29). – С. 5-11.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица) / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения (Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики), 2012. – 736 с.

Шановалова Т. Е. Семантика временной неопределенности в строе простого предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2006. – № 1. – С. 76-79.

УДК 811.581'42:659.1

Богатова И. Д., Ян Чж. (УрФУ, Екатеринбург)

Социальная реклама в Китае: основные направления развития

Аннотация. В статье анализируются основные направления развития социальной рекламы в Китае, характеризуются этапы ее становления и современного состояния. Авторами выявлены наиболее актуальные для китайского языкового сознания темы, поднимаемые социальной рекламой, и способы ее воплощения в рекламных текстах двух видов: телевизионных заставках и видеороликах. Особое внимание уделяется соотношению вербального и невербального (визуального, аудиального) кодов креолизованного рекламного текста.

Ключевые слова: социальная реклама; рекламный дискурс; рекламные тексты; вербальные коды; невербальные коды; китайский язык.

Сведения об авторах: Богатова Ирина Дмитриевна, ассистент подготовительного отделения для иностранных учащихся департамента международных образовательных программ ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург).

Ян Чжибин, студент 4 курса ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург).

Bogatova I. D., Yang Zh. (UrFU, Yekaterinburg)

Social Advertising in China: Development Trends

Abstract. The article analyzes the main directions of development of social advertising in China, characterizes the stages of its formation and current state. The authors identified the most relevant topics for the Chinese linguistic conscious-

ness, raised by social advertising, and the ways of its implementation in advertising texts of two types: television screen-savers and video clips. Particular attention is paid to the ratio of the verbal and non-verbal (visual, auditory) codes of the creolized advertising text.

Keywords: social advertisement; advertising discourse; advertising texts; verbal codes; non-verbal codes; Chinese.

About the authors: Bogatova Irina Dmitrievna, Assistant of the Preparatory Department for Foreign Students of the Department of International Educational Programs, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg).

Yan Zhibin, 4th year Student of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg).

Социальная реклама – это не коммерческий продукт, по сути, она является процессом распространения убедительной информации относительно общественно значимых ценностей: охраны природы, заботы о детях, стариках, больных и т. п.

Цель социальной рекламы – заставить людей задуматься о проблемах общества, которые касаются и каждого в отдельности, побудить к активным полезным действиям. Эта убедительность социальной рекламы, в основном достигается за счет особого рекламного языка, соединяющего знаки разной природы: вербальные (словесный слоган) и невербальные (звуки, изображения, движения, символика цвета и т. д.). Все это дает основания называть рекламный текст креолизированным, в котором коды, несущие информацию, дополняют друг друга и оказывают более сильное воздействие на адресата, особенно в случае их полной конгруэнтности – «соответствия смыслов вербальных и сопровождающих их невербальных сигналов ... понятных

членам определенного социума» [Гридина, Коновалова, Воробьева 2015: 10].

Социальная реклама, безусловно, выражает общечеловеческие ценности, но при этом имеет национально-культурные особенности как в выборе наиболее актуальных для конкретного народа тем, так и способов их воплощения в рекламном тексте (см., например: [Гао Вэй 1998; Гридина, Коновалова 2013; Гоголина 2015; Коновалова 2018]).

Прежде чем описать проблематику современной социальной рекламы в Китае, рассмотрим основные направления ее становления и развития в соответствии со стабильностью средств массовой информации и различными этапами социального развития.

1. Начальный этап становления социальной рекламы в современном Китае (с 1950-х годов до конца 1970-х годов) можно обозначить с образования Китайской Народной Республики, когда в Китае был создан стабильный механизм распространения газет и журналов. Самая ранняя социальная реклама в основном касалась военного дела, социального строительства и здравоохранения и т. д. Конкретной формой рекламы является слоган, который условно можно назвать «копией» рекламного слогана древнего общества. Например: 抗美援朝, 保家卫国 (сопротивление американской агрессии, оказание помощи корейскому народу, защита родины); 一人参军, 全家光荣 (если один из членов семьи ушел в армию, это приносило честь всей семье.); 除四害, 讲卫生等 (истребление «четырёх зол» – мух, комаров, мышей и клопов; соблюдение правил гигиены) и т. д. Основные элементы этой формы рекламы соответствуют теоретическому определению социальной рекламы: реальная целенаправленность, общественная значимость, массовость, обязательность и т. д.

2. Период развития социальной рекламы в современном Китае (с конца 1970-х годов до середины 1980-х годов). Во время «Культурной революции» общественная направленность социальной рекламы была ослаблена и имела сильную идеологическую, классовую окраску. Этот этап был сложным периодом для развития социальной рекламы. Политика реформ и открытости положила начало возрождению и процветанию всех отраслей общественной жизни. Несмотря на отрицательное влияние коммерческой рекламы, социальная реклама стала использоваться средствами массовой информации в качестве инструмента регулирования социальных отношений, распространения нравственных ценностей. Известно, что впервые в Китае социальная реклама на телевидении появились в 1978 году на канале CCTV1, который сегодня транслирует образовательные программы и социальную рекламу. Из-за недостатка творческого подхода такие образовательные программы, основанные на здравом смысле, чаще всего представляются в форме «лозунгов», не имеют специализации и художественного дизайна, и эффект их распространения не очень хорош. Начиная с 1980-х годов соответствующие правительственные ведомства в средствах массовой информации начали публиковать рекламу об охране окружающей среды, планировании семьи, дорожно-транспортных происшествиях и т. д. Все это является социальной рекламой. С тех пор социальная реклама Китая по-настоящему стала использоваться средствами массовой информации для распространения своего влияния.

Отсталость в развитии рекламы демонстрирует недостаточную креативность предыдущей социальной рекламы. Термин «креатив» пока не очень широко распространен в Китае, где только что возобновился рекламный бизнес, хотя креативные стратегии при создании рекламного текста интуитивно используются наряду с алгоритмизированными

ми процедурами [Коновалова 2012; 2016]. Китайские рекламодатели привыкли использовать рекламный метод как «простое информационное объявление + художественное оформление». Язык рекламы невыразителен, сентенциозен – вот главные характеристики языка социальной рекламы в этот период. Например: «Позор транжирству и расточительству, слава бережливости»; «За борьбу с преступлениями и поддержание общественного порядка» и т. д. Из-за отсталой концепции рекламы в то время не существовало специального дизайна для создания социальной рекламы, поэтому почти все тексты социальной рекламы одинаковы.

3. Период подъема социальной рекламы в современном Китае (с середины 1980-х до середины 1990-х годов). Со второй половины 80-х годов социальная реклама в Китае попрощалась с «сентенциозным стилем», начали применяться креативные стратегии для повышения ее эффективности [Гридина 2015; Лингвистика креатива 2013; 2020]. В 1986 году Управление по охране водных ресурсов города Гуйян и Телевидение Гуйчжоу совместно выпустили китайскую первую телевизионную социальную рекламу «экономия воды». Эта первая телевизионная социальная реклама была создана с помощью специального искусства в Китае. В ней не только изменился предыдущий стиль лозунгов и слоганов, но и использовался особый синтаксис, средства художественной выразительности [Герасименко 2014], чтобы ярко представить тему экономии воды с экрана телевизора. Реклама оказалась очень действенной. Согласно статистическим данным, в четвертом квартале того же года расходы водопроводной воды в городе Гуйян по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сократились на 470 тыс. тонн, сознательная экономия воды стала обычной в многочисленных семьях и домах, социальная реклама впервые сыграла важную роль в обще-

ственной жизни. Эта реклама является первой в Китае современной социальной рекламой в полном смысле слова. В 1989 году Китайским телевизионным художественным комитетом и Телевизионным комитетом Китайской рекламной ассоциации была организована «Премия за впечатление», социальная реклама впервые была включена в диапазон выбора, тем самым был создан прецедент для награды за социальную рекламу. Это в значительной степени стимулирует рекламные компании и средства массовой информации к созданию качественной социальной рекламы.

4. Период быстрого роста современной социальной рекламы в Китае (с середины 1990-х годов по настоящее время). В 1996 году социальная рекламная отрасль Китая быстро развивалась под сильным руководством правительства. Государственное управление торгово-промышленной администрации 18 июня того же года организовало «Месячник социальной рекламы» на тему «Национальная эстетика и этика Китая». Впервые в Китае государственное административное управление организовало социальное рекламное мероприятие, которое стало регулярным и эффективным мероприятием для стимуляции социального рекламного творчества. Китайская социальная реклама получила «второе рождение», творческий уровень и технология производства были значительно улучшены, и она вступила в новую эру более стабильными темпами.

В последние годы социальная реклама избавилась от фиксированных тем, это способствует дальнейшему развитию социальной рекламы. В ходе тридцатилетнего развития китайская социальная реклама постепенно перешла «от наивности к зрелости» [Лю Сяо Нань 2009]. В китайской социальной рекламе ярко начало проявляться национальное самосознание, созданы серии социальной рекламы для решения общественных проблем. В качестве иллюстрации этого положения приведем несколько примеров:

– реклама о вреде курения: изображена сигарета и, словно дым от нее, уползающий, погибающий, почти превратившийся в пепел человек. Вербальный компонент представлен несколькими предложениями: 吸烟有害身体健康 – Курение вредно для здоровья. 珍惜生命, 拒绝吸烟 – бережь жизнь – отказаться от курения 健康随烟而灭! 有多少生命可以重来? Здоровье угасает от дыма! Сколько жизней можно вернуть?

– реклама о безопасности дорожного движения. Изображены весы: на одной чаше – светофор, на другой – бутылка вина. Вербальный компонент – слоган 生命和酒能平衡吗? – жизнь и алкоголь могут быть уравновешены?

– рекламный ролик о полноте семейного счастья. Видеоряд: дерево, на котором висит полная луна, время осени, луна плывет над городом. Одинокий старик у окна вспоминает, как отмечали предыдущие праздники середины осени: коробка, из которой достают пряник в форме луны, разрезают его на всех членов семьи, дети смеются, всем хорошо вместе. Старик ведет свой монолог: лунный пряник как луна, а его вкус как семья. Завершающие кадры: неожиданно к старику приезжает вся его семья на праздник, снова открывают коробку с пряником в форме луны. Закадровый голос: «月从海上升, 味从心中来!» – «Луна поднимается с моря, вкус придёт из сердца».

Можно отметить универсальную для всех народов тенденцию воплощения в социальной рекламе общезначимой идеи, однако в китайской рекламе отмечается ее переключение из сферы социальной в план индивидуально-личностный, что отражает национальную ментальность. Значимым, например, является особое внимание к философскому восприятию мира человека и его единства с миром природы, что находит отражение в выборе натуроморфных метафор и сравнений.

Литература

Гао Вэй. Гуан гао юй янь юй вэнь хуа (Язык рекламы и культура) // Нэй мэн гу цай цзин сюэ юань сюэ бао. – 1998. – № 1, 高炜, 广告语言与文化//内蒙古财经学院学报. – 1998. – № 1.

Герасименко Н. А., Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е. Русский язык: простое и сложное: уч. пособие для образовательных учреждений с углубленным изучением русского языка и литературы. – М., 2014. – 564 с.

Гоголина Т. В. Изучение фигур экспрессивного синтаксиса на материале рекламного слогана в школе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2015. – № 1. – С. 40-47.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 25. – С. 148-157.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. «Куда идём? Большой вопрос»: прагматика креатива в современном медийном дискурсе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2013. – № 3. – С. 13-20.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И., Воробьева Н. А. Невербальная коммуникация: практикум. – Екатеринбург, 2015. – 106 с.

Коновалова Н. И. Креативная составляющая интеллекта: к 100-летию IQ // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2012. – № 10. – С. 35-48.

Коновалова Н. И. «Условная реальность» смехового текста традиционной народной культуры // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018. – С. 158-173.

Коновалова Н. И. Языковой автоматизм в ассоциативно-вербальной сети как «след» креативных мнемотехник //

Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2016. – № 2. – С. 118-128.

Лингвистика креатива: коллективная моногр. / под общей ред. Т. А. Гридиной. – 2-е издание. – Екатеринбург, 2013. – 368 с.

Лингвистика креатива-5: коллективная монография / под общей редакцией Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2020. – 392 с.

Лю Сяо Нань. Социальная реклама в Китае: развитие и становление // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 1. – С. 137-143.

УДК 37.016:811.161.1

Валиева Ф. Э. (УрГПУ, Екатеринбург)

Обучение говорению в аспекте РКИ

Аннотация. В данной статье автором рассматривается обучение говорению на русском языке как иностранном, значимому компоненту освоения языка в процессе освоения РКИ. Анализируются различные способы осуществления речевой деятельности, при которой необходимо владеть определенным лексическим запасом, а также развивать диалогическую и монологическую речь.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; методика преподавания русского языка; диалогическая речь; монологическая речь; речевая деятельность; говорение.

Сведения об авторе: Валиева Фатима Элдар кызы, студент 3 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург). Научный руководитель – Миков Вениамин Юрьевич, кандидат педагогических наук.

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; fatima.valieva@bk.ru.

Valieva F. E. (USPU, Yekaterinburg)

Speaking teaching in the aspect of RFL

Abstract. In this article, the author considers speaking Russian as a foreign language, as an important component of learning Russian as a foreign language. The article analyzes various ways of performing speech activity, in which it is necessary to possess a certain vocabulary, as well as to develop monologue and dialogue.

Keywords: Russian as a foreign language; methods of teaching the Russian language; dialogical speech; monologue speech; speech activity; speaking.

About the author: Valieva Fatima Eldar kyzy, 3rd year Student of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

С каждым днем актуальность русского языка возрастает, что, конечно же, связано с развитием международных связей: Россия становится более открытой для иностранцев. Одни хотят трудоустроиться в России (чаще всего это мигранты из стран бывшего СНГ), другие – получить образование. В связи с этим, РКИ является очень перспективным направлением, в которое государство активно вкладывает ресурсы, создавая необходимые условия для подготовки кадров, а также для осуществления деятельности в учебных заведениях.

Любой иностранный язык включает в себя конкретные аспекты, которые формируют лингвистическую компетенцию говорящего. Точно так же и при изучении русского языка как иностранного стоит уделить должное внимание и грамматике, и лексике, и орфографии. Не стоит недооценивать и обучение видам речевой деятельности на русском языке, в частности говорению. Говорение – это такой вид речевой активности, который реализуется, когда в сознании говорящего возникает потребность в речевом воздействии на собеседника.

Владение коммуникативными навыками – фундамент, на который закладывается будь то составление монолога или же подготовка к диалогу / участие в нем. Если такие навыки у человека не сформированы или сформированы недостаточно хорошо, то общение может быть неэффективным, приводить к трудностям в понимании речи собеседника / оратора, а значит и к искажению полученной информации. При овладении говорением основной задачей является развитие речевого умения, которое теснейшим образом связано с коммуникативной функцией мышления. Мыслительная функция речевого умения заключается в том, чтобы осуществлять управление речевой деятельно-

стью для достижения цели, ради которой человек вступает в общение. Очень важно уделить должное внимание на уроках РКИ именно обучению говорению, чтобы сформировать необходимые навыки и умения для участия в процессе коммуникации, как на самих уроках в процессе взаимодействия со своими одноклассниками, так и в других социальных группах.

Общение всегда происходит в конкретной ситуации, поэтому языковой материал всегда объединяется вокруг темы. Этот принцип называется «ситуативно-тематическим представлением языкового материала» [Краткий курс лекций 2008]. Здесь объединяются не только слова, но и грамматические конструкции. Коммуникативная лингвистика рассматривает в качестве единицы коммуникации речевые акты (речевая деятельность, обладающая следующими характеристиками: целенаправленность, регулируемость правилами речевого поведения, адресность, протекание в определенной речевой ситуации). Прагматическую сторону речевого акта, формирующую модальную рамку высказывания, составляют следующие компоненты: 1) речевая интенция (намерение говорящего выразить определенный, коммуникативно значимый смысл с помощью речевых средств), 2) цель высказывания, 3) участники речевого акта, 4) обстановка общения.

Так, например, обратимся к игровому общению, которое является одним из коммуникативных подходов обучения русскому языку как иностранного. Именно с него, на наш взгляд, стоит начинать обучение говорению иностранцев. В спокойной, непринужденной игровой форме вводить языковой материал. Важно, что в процессе игры можно многократно менять ситуации реальной коммуникации, использовать недавно пройденный лексический материал, тем самым провоцируя использование тех или иных конструкций / фраз / высказываний. Сначала дети прикасают-

ся к предметам, активизируется осязание. Далее – присоединение вокализаций, затем и отдельных слов к действиям. Здесь непосредственно осуществляется такая форма коммуникации, как диалог, в которой участники по очереди выступают то в роли говорящего, то в роли слушающего. Это свойственно игре, могут меняться роли, в ситуационных и ролевых играх можно это проследить.

Есть также иная форма обучения устной речи, такая, как монолог. Его стоит вводить позже, так как требуется большая подготовленность обучающихся, в силу того что монологическая речь предполагает развернутую речь, включающую в себя по форме мысли, намерения, чувства и т. п. Чаще всего педагоги уделяют внимание диалогу, что на наш взгляд, является ошибкой. «...Обучение диалогу и монологу должно быть взаимосвязанным и параллельным, так как оба значимы при изучении не только русского языка как иностранного, но и любого другого» [Крючкова 2009]. В зависимости от ситуации, обучающийся должен уметь высказывать свое мнение или отвечать на вопрос собеседника. Поэтапное овладение учащимися компетенции ведения диалога или монолога включает следующие разделы: степень адаптации к речевым ситуациям, умение вести диалог, умение развивать тему, целостность и связанность высказывания.

Обучение говорению включает в себя три основные стадии:

- введение в память учащихся языкового материала;
- выработку навыков и умений оперировать этим материалом;
- развитие умений в использовании речи для реальных коммуникативных целей.

Представим вышеописанную методику в обучении говорения (включающую монолог и диалог) для элементарного уровня. Здесь активно используется лексика на тему

«Знакомство». Основная цель – понять собеседника, его коммуникативные намерения. Сказанную информацию можно закрепить также на доске, что значительно упростит задачу. Преподаватель, записывая свое имя, фамилию и отчество, может их также проговорить. Речь будет визуальнo и аудиальнo представлена студенту.

Фрагмент урока:

1. «– Здравствуйте! Меня зовут Надежда Петровна. Моя фамилия Ильина. Я ваш учитель русского языка. Я очень рада нашему знакомству! Не могли бы Вы, повторить мое имя? А какая у меня фамилия?

2. А как вас зовут? Как ваша фамилия? Перейти к построению конструкции: «Меня зовут...» Также можно добавить и этикетную фразу, которая была выше сказана и педагогом: «Я очень рад / рада нашему знакомству».

3. Далее переходим от монолога к диалогу. Задается вопрос друг другу, и педагогу, и ученику, и ученики спрашивают друг друга по следующей модели: «А как тебя зовут? Меня зовут ...»

Если занятие проходит в детском коллективе, можно использовать игрушки, обыграть с ними роли знакомства. По очереди представляя друг другу как выбранного персонажа, так и самого себя.

Проанализировав вышеизложенный материал, мы предлагаем следующие рекомендации: использовать комплексный подход к обучению говорения русского языка как иностранного, а именно организация продуктивного учебного материала, сочетающий в себе формирование коммуникативных навыков. Равномерное распределение материала, формирующего такую методическую базу, в которой было бы место развитию мыслительной деятельности, использованию активного лексического материала, а также эффективное сочетание монолога и диалога.

Литература

Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учебное пособие для преподавателей и студентов. – 2007.

Крючкова Л. С. Практическая методика обучению русскому языку как иностранному: учебное пособие для начинающего преподавателя, для студентов-филологов и лингвистов, специализирующихся по РКИ. – 2009.

Краткий курс лекций «Методика преподавания русского языка как иностранного». – Екатеринбург, 2008.

Пассов Е. И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева. – 2010.

Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного / сост. Л. В. Московкин, А. Н. Щукин. – 2010.

УДК 811.161.1'42:659.1

Варламова Т. А. (УрГПУ, Екатеринбург)

Политическая корректность и толерантность в рекламе как единице межкультурной коммуникации

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние рекламы разного типа на формирование общественного уровня политической корректности и толерантности, значение рекламы в межкультурной коммуникации, ее роль в лингвистическом и культурном аспектах. В статье приведены примеры рекламы, нарушающие закон № 38-ФЗ «О рекламе», которые имеют негативное влияние на граждан и акцентируют внимание на важных социальных проблемах, таких, как расизм, ущемление прав и свобод малых групп, сохранение традиций и других. На базе анализа четырёх рекламных компаний наглядно продемонстрированы нарушения норм толерантности и политической корректности в рекламе.

Ключевые слова: социальная реклама; толерантность; политическая корректность; рекламные тексты; рекламный дискурс; нормативно-правовые акты; российское законодательство; межкультурные коммуникации; национальная культура; международные отношения.

Сведения об авторе: Варламова Татьяна Андреевна, студент 2-го курса ФГБОУ ВО «Уральского государственного педагогического университета» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; varlammova@mail.ru.

Varlamova T. A. (USPU, Yekaterinburg)

Political correctness and tolerance in advertisement as a unit of intercultural communication

Abstract. This article examines the influence of different types of advertisements on the formation of public level of po-

litical correctness and tolerance, advertisements value in intercultural communication, its role in linguistic and cultural aspects. In the issue there are examples which illustrate violations of the law No. 38-ФЗ “The law of advertisement” that have negative impact and pay extra attention on important social problems such as racism, infringement of the rights and freedoms of small groups, preserving traditions and others. Based on four advertisement’s analysis there were found several rules violation which have been clearly demonstrated in this article.

Keywords: social advertisement; tolerance; political correctness; advertising texts; advertising discourse; regulations; Russian legislation; intercultural communication; national culture; international relationships.

About the author: Varlamova Tatiana Andreevna, 2nd year Student of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

В настоящее время в мире все чаще культивируется идея сближения народов, разных национальностей, культур, языков и религий. Всё больше людей объединяются в общественные группы, призывая к единству и равенству. Цвет кожи, идеологическая принадлежность, религия – все это не может стать причиной для дискриминации людей и спровоцировать нарушение принципов политической корректности и толерантности.

Термин «коммуникация» достаточно часто употребляется при рассмотрении множества явлений в политической теории в целом и в теории международных отношений в частности. Кондратов Андрей Иванович в работе «Коммуникации в системе международных отношений» выделил следующее понятие коммуникации: «В самом общем виде коммуникация в системе международных отношений представляет собой совокупность форм реализации связей внутри системы международных отношений, отражающая передачу по определенному каналу каких-либо объектов

окружающей нас реальности от одного субъекта к другому, принимающего данные объекты» [Кондратов 2011: 7]. Коммуникация как процесс взаимодействия, это всегда совокупность поступающих связей, их единение общей целью, движимыми мотивами и формами реализации.

Одной из самых важных составляющих как международного сотрудничества, так и социализации внутри страны являются принципы политической корректности и толерантности по отношению всех членов общества друг к другу. В наше время, когда тема принятия некоторых социальных групп, чем-либо отличающихся от основной массы населения, является особенно актуальной и нередко обсуждается общественной властью, представители иной национальности, веры, культуры и социальной группы могут быть подвержены осуждению, сталкиваться с опрометчивыми выражениями в свой адрес и не получать тех прав и свобод, которые гарантируются им законом. Именно поэтому в процессе развития межкультурной коммуникации содружество стран и народов особое внимание следует уделять компетентному обращению с людьми любой национальности, социального статуса, религии и других подобных аспектов жизни. Толерантность и политическая корректность – неотъемлемые составляющие успешных коммуникационных общественных связей [Гоголева 2008].

Самый распространенный публичный способ коммуникации – диалог, в ходе которого участникам разговора следует обязательно соблюдать принципы уважения и толерантности друг к другу. Но процесс коммуникации может быть осуществлен не только устно, но и письменно. Наиболее характерным выражением коммуникации в письменном виде служит реклама. Реклама в современном мире – это неотъемлемая часть цифровой коммуникации, которая в настоящий момент времени имеет наиболее широкое распространение. С помощью рекламных роликов,

распечатанных баннеров, листовок и других возможных форм рекламы в мире совершается наиболее результативный коммуникационный процесс.

Реклама сейчас это не только эффективный способ передачи информации, но и надёжный экономический фундамент. Именно поэтому реклама как способ коммуникации часто выступает посредником между людьми. Важной особенностью рекламы, которая часто остается незамеченной ввиду своей замаскированности, является ее стереотипность, возможность формирования идеалов и навязывание их широкой аудитории, что, безусловно, не проходит бесследно [Макарова, Пак 2006]. У лиц, подверженных рекламным агитациям, имеющим в своём содержании антитолерантные и политически некорректные данные, неосознанно формируется неверное представление и, как следствие, негативное отношение к предмету рекламы. В силу того, что методы рекламной деятельности относятся к числу коммуникативных методов, ориентированных на управление массовым поведением посредством воздействия на сознание людей, исследователи отмечают, что реклама является формой массовой коммуникации. Следовательно, можно дать следующее определение «рекламы»:

Рекла́ма – это направление в маркетинговых коммуникациях, в рамках которого производится распространение информации для привлечения внимания к объекту рекламирования с целью формирования или поддержания интереса к нему.

Многие исследователи, изучающие влияние рекламных кампаний на человека, сходятся во мнении, что в настоящее время реклама, включая иные средства массовой информации, стала источником пятой власти, настолько сильное влияние она оказывает на общество ежедневно. Но влияние рекламы на людей не всегда лежит на поверхности. Л. С. Трушина в статье «Язык рекламной коммуникации как

дискурс власти» о рекламе говорит следующее: «В настоящее время реклама от информирования, сообщения об особенностях того или иного товара и внушения переходит к скрытому или незаметному внушению с целью управления потребления, а через него – механизмом функционирования социальной системы в целом. Все дело в том, что реклама работает на двух уровнях: явном и скрытом, а все защитные барьеры и фильтры человека действенны только против явных рекламных влияний [Трушина 2009].

Таким образом, реклама – это один из самых действенных способов влияния на подсознание людей. Человек, чьим вниманием завладела реклама, практически не в силах отфильтровать поступающий через нее поток информации, которая, в свою очередь, через некоторое время, может бессознательно повлечь за собой изменения в структуре мышления всего общества. Если рекламные посты в любом из возможных видов содержат в себе расовый подтекст, демонстрируют социальное неравенство, феминистические утверждения, пропаганду расизма, такая социальная коммуникация пагубно отразится на культуре народа, его традициях и, главное, общего уровня уважения, политической корректности и толерантности к представителям особых групп.

Большое значение в повышении общего уровня толерантности и политической корректности играет социальная реклама. Она призвана к борьбе с неравноправием, предвзятым отношением к людям отличным от большинства, сокращению числа конфликтов, вызванных в том числе допущенными в рекламе нарушениями политической корректности и толерантности. Социальная реклама в России широкое распространение, а вместе с тем и массовость приобрела в первой половине двадцатого века, когда появился новый способ продвижения идей – плакат. Но если в СССР реклама проходила серьёзный контроль, то

сейчас ситуация изменилась. Сейчас заказчиками многих рекламных копаний государство не является, что значительно сокращает объём цензуры, которые проходят все рекламно-агитационные компании. В связи с этим в рекламе, как с социальным, так и с политическим уклоном, детали, нарушающие принципы политический корректности и толерантности, нередко остаются незамеченными. Такие материалы без труда попадают в массы, тем самым запуская в общественности процесс, который при нехватке должного контроля может вызвать за собой необратимые последствия, влияющие на уровень культуры граждан и их социальную грамотность. Основными проблемами, которые не получают должного внимания, оставаясь за тенью экономической функции рекламы, являются следующие: классовое неравенство, расизм, обеспечение равных прав и социальных гарантий, профилактика семейного насилия, толерантное отношение к инвалидам, гендерная дискриминация и другие.

В сфере социальной рекламы существует немало примеров рекламы, которая была составлена ненадлежащим образом и в корни не соответствует нормам, принятым в Федеральном законе «О рекламе» № 38-ФЗ. Согласно статье пять «Общие требования к рекламе», пункту шестому «В рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека и гражданина...» [Федеральный закон 2006]. Несмотря на установленные в законе правила о содержании рекламы в современном мире агитационные компании такого характера встречаются достаточно часто и широко обсуждаются в обществе.

Примером, который демонстрирует несоблюдение принципов толерантности и политической корректности,

служит рекламная компания розничной сети по торговле одеждой «Н&М». Седьмого января две тысячи восемнадцатого года на сайте шведской компании «Н&М» была опубликована коллекция детской одежды, сопровождающаяся фотографиями темнокожего мальчика-модели, одетого в зеленую толстовку с надписью «Самая крутая обезьянка в джунглях» (Coolest monkey in the jungle).

В то время, как светлокожий мальчик справа от него был одет в такую же модель толстовки, но с надписью, совершенно иной по смыслу: «Эксперт по выживанию в джунглях». Компания «Н&М» сначала извинилась и удалила с сайта фото темнокожего мальчика, но толстовку «Самая крутая обезьянка в джунглях» продолжили продавать. По мере развития скандала, всю серию толстовок из джунглей изъяли из продажи. Позже пресс-служба магазина «Н&М» опубликовала на своем сайте извинения: «Мы глубоко сожалеем, что подобный снимок появился на сайте, и также сожалеем о выпуске подобной одежды. Мы не только удалили изображение с нашего сайта, но и изъяли худи из международной продажи».

Реклама в виде баннеров на улице – одна из самых распространенных форм агитационных компаний. Нередко на улицах можно увидеть стенды, которые агитирует людей

за пользование теми или иными косметологическими услугами. Уход за собой становится все более популярным, поэтому такая реклама практически всегда приносит результат в виде новых клиентов для фирмы. А если реклама по каким-либо причинам себя не оправдывает, владельцы салонов пытаются привлечь внимание потенциальных клиентов любыми способами, в том числе противоречащими принципам толерантности и политической корректности.

Рассмотрим плакатный баннер, рекламирующий солярий в городе Пенза. Клуб загара «Солярис» для того, чтобы показать, какой результат получают клиенты от их услуг, использовали образ бывшего президента Соединенных Штатов Америки – Барака Обаму, чей натуральный цвет кожи имеет темный оттенок.

Несмотря на то что у человека на плакате заклеены глаза, по остальным чертам лица и головы в целом догадаться о том, чья личность изображена на полотне, несложно. А значит, такая реклама нарушает не только принципы толерантности и политической корректности, указывая на этническую принадлежность человека и идентифицируя его как личность, но и переступает через статью 5, пункты 2 и 6 Федерального закона «О рекламе» № 38-ФЗ. Опираясь на нормы Федерального закона, реклама косметологи-

ческих услуг салона «Солярис» была признана недопустимой и была снята со стенда.

Нарушение принципов толерантности и политической корректности в рекламе как коммуникативной единице происходит не только в случаях, где несоответствие закону главным образом связано с расой и национальностью предмета рекламы, хотя эта категория является самой популярной. Оскорбление личности также может осуществляться через указание на ее принадлежность к определённой социальной группе, где национальность и раса не играют важной роли. Примером таких нарушений является реклама туристического агентства «Виста».

Эта компания в качестве рекламы зарубежных туров в Египет, Турцию и ОАЭ использовала образ злой тещи, которую предлагает закопать в песок. Бесспорно, такой рекламный ход нарушает этические нормы, принципы политической корректности, а также является некультурным, конструируя в общественном мнении неправильный образ тещи, поскольку заостряет внимание на стереотипных качествах тещ, таких, как злость, надоедливость, агрессивность и других негативных характеристиках. Формулировка агитационных слов очень грубая, а образ тещи в данной рекламе особым положением челюсти и злорадной улыб-

кой как бы намекает клиенту на сравнение женщины с биологических семейством грызунов. Безусловно, данная реклама так же является недобросовестной по Федеральному закону «О рекламе».

Наряду с рекламой, имеющей отношение к расизму и национальной дискриминации, агитационные компании с некорректным содержанием информации, связанной с половой принадлежностью, так же встречаются. Примером такой рекламы является следующий уличный баннер.

Строительный магазин «Агора» в качестве привлечения внимания клиентов к услугам своей компании использовал не корректный слоган «Будь мужиком, смени пол!», а также разместил на плакате биологические обозначение мужского и женского полов, совместив их.

Несмотря на то что далее в рекламе мелким шрифтом добавлено «...А также обои и двери» внимание первым делом невольно оказывается прикованным к основному предложению, выделенному жирным шрифтом. Такая реклама нарушает принципы политической корректности прежде всего потому, что в своём содержании имеет дело с призывом к смене пола, что может быть понято двояко.

Таким образом, несмотря на существующее в Российской Федерации законодательство, содержащее нормы рекламных агитаций и требования к ним, и мер наказания за их неисполнение, нарушения в сфере принципов толерантности и политической корректности в большом количестве существуют и по сей день. Причин тому несколько. Во-первых,

это устоявшееся отношение общества к нарушениям в рекламе, которые не воспринимаются как прецедент, потому что употребляются настолько широко и повсеместно, что уже успели войти в норму, и потому остаются незамеченными. Во-вторых, недостаточный контроль над выпускаемыми тиражами рекламных баннеров, постеров, брошюр и других видов подобной агитации. Если бы реклама, не отвечающая принципам толерантности и политической корректности, пресекалась на корню и не получала своего распространения, нарушений могло бы стать намного меньше, что в свою очередь имело бы положительный эффект на формирование массового уровня культуры, солидарности, толерантности и политической корректности.

Литература

Гоголева Е. Н. Особенности коммуникационных отношений власти и общества: теоретико-методологический аспект // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikatsionnyh-otnosheniy-vlasti-i-obschestva-teoretiko-metodologicheskiy-aspekt> (дата обращения: 17.04.2021).

Кондратов А. И. Коммуникации в системе международных отношений // Вестник Военного университета. – 2011. – № 1 (25). – С. 85-90.

Макарова Е. А., Пак Г. С. Реклама в структуре повседневности // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2006. – Вып. 1 (5). – С. 247-253.

Трушина Л. С. Язык рекламной коммуникации как дискурс власти // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 8 (42). – С. 18-22.

Федеральный закон «О рекламе» № 38-ФЗ. – 2006.

УДК 372.881.161.1

Дятлова Е. М. (УрГПУ, Екатеринбург)

**Анализ теоретических основ школьных комплексов
на примере грамматических омонимов**

Аннотация. В статье рассматриваются учебно-методические комплексы, анализируется полнота или недостаточность представления теоретического и практического материалов по разграничению омонимичных страдательных причастий прошедшего времени и отглагольных прилагательных.

Ключевые слова: учебно-методические комплексы; школьники; грамматические омонимы; причастия; отглагольные прилагательные; русский язык; методика русского языка в школе.

Сведения об авторе: Дятлова Елена Михайловна, студент 3 курса студент ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург). Научный руководитель – Чечулина Любовь Семеновна, кандидат филологических наук, доцент.

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; lena.dyatlova.00@bk.ru.

Dyatlova E. M. (USPU, Yekaterinburg)

**Analysis of the theoretical foundations of school complexes
using the example of grammatical homonyms**

Abstract. The article discusses educational and methodological complexes, analyzes the completeness or inadequacy of the presentation of theoretical and practical materials on the differentiation of homonymous passive past participles and verbal adjectives.

Keywords: educational and methodological complexes; pupils; grammatical homonyms; participles; verbal adjectives;

Russian language; methodology of the Russian language at school.

About the author: Dyatlova Elena Mikhailovna, 3rd year Student of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Цель обучения в школе – овладение учащимися необходимыми знаниями, умениями и навыками. Постижению так называемых ЗУНов способствуют различные средства обучения: учебник, раздаточный материал, рабочие тетради, таблицы, схемы и многое другое. А совокупность определенных средств обучения составляет учебно-методический комплекс, который и реализует процесс обучения русскому языку.

Главное, на что необходимо опираться при реализации процесса обучения в школе, – соответствовать требованиям, заявленным в Федеральном государственном образовательном стандарте, в котором определены результаты освоения каждого школьного предмета. ФГОС ООО содержит обобщенные, неразвернутые требования по освоению учеником основных тем, например, части речи, выделение орфограмм, речевая деятельность, роль и нормы языка и т. д. Но нам интересно, как обстоит дело с вопросами повышенной сложности.

Рассмотреть, насколько полно реализуется изучение и отработка сложных вопросов в школе мы хотим на примере темы по разграничению омонимичных страдательных причастий и отглагольных прилагательных.

Раскрыть интересующую нас тему мы решили на основе анализа учебно-методических комплексов следующих авторов: Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова и других под редакцией Н. М. Шанского, Л. М. Рыбченковой, О. М. Александровой и других, М. М. Разумовской, С. И. Львовой и других под редакцией П. А. Леканта.

Сложность в отнесении слова к причастию или отглагольному прилагательному вызвана прежде всего тем, что на письме полная форма причастия, образованная от глагола совершенного вида, ничем не отличается от полной формы отглагольного прилагательного, образованного от адъективированного причастия. Например, образованный молодой человек и образованный И. Ивановым институт. В первом случае образованный является отглагольным прилагательным, во втором случае – причастием.

Данная тема на уроках русского языка должна раскрываться с рассмотрением следующих пунктов, отличительных признаков омонимичных причастий и отглагольных прилагательных, которые оформлены ниже в виде таблицы. Особое внимание при этом должно уделяться последнему пункту, который облегчает для ребенка процесс разграничения омонимичных страдательных причастий и отглагольных прилагательных.

Разграничение кратких страдательных причастий и кратких отглагольных прилагательных, являющихся грамматическими омонимами

Признаки	Страдательные причастия прошедшего времени	Отглагольные прилагательные
1. От какой части речи образованы	От глаголов совершенного вида	От причастий, утративших видо-временное значение
2. Суффиксы с <i>Н</i> в полной форме слова	- <i>нн</i> -	- <i>нн</i> -
3. Суффиксы с <i>н</i> в краткой форме слова	- <i>н</i> -	- <i>нн</i> -

4. Обозначают признак	Признак предмета или явления по действию	Признак предмета или явления, заложенный в его природе
5. Глагольные категории времени, вида и залога	Имеют	Не имеют
6. Зависимые слова	Всегда имеют (или подразумевается) существительное в творительном падеже, обозначающее исполнителя действия	Не имеют (не подразумевается) существительное в творительном падеже, обозначающее исполнителя действия

Начнем с комплекса М. Т. Баранова, Т. А. Ладыженской и других под редакцией Н. М. Шанского.

Учебник данного комплекса включает в себя достаточно полную теорию по разграничению омонимичных причастий и отглагольных прилагательных, подкрепляющуюся понятными примерами. Изучение причастий в данном УМК задействует в полной мере методы формирования учебно-языковых умений: это и раскрытие скобок, вставка пропущенных букв, объяснение условий выбора, списывание, тесты, орфографический диктант [Литневская 2006: 101]. Стоит отметить, что, на наш взгляд, более удачно и полно собран материал по интересующей нас теме в сборнике диктантов по русскому языку. Таким образом, мы видим, что УМК М. Т. Баранова, Т. А. Ладыженской содержат в себе различного рода задания и упражнения на отработку правописания -н- и -нн- в суффиксах причастий и отглагольных прилагательных. Упор в данном УМК делается на изучение морфологических признаков причастий, значимых орфограмм, правил, а такой вопрос, как -н- и

-нн- в суффиксах именно омонимичных причастий и отглагольных прилагательных, практически остается за скобками. Такое игнорирование достаточно сложных тем, касающихся разграничения омонимичных страдательных причастий прошедшего времени и отглагольных прилагательных, – это большая недоработка данного комплекса. Также на наш взгляд, в данном комплексе не хватает творческих заданий, а также групповых.

Комплекс М. М. Разумовской, С. И. Львовой и других под редакцией М. М. Разумовской и П. А. Леканта отличается прежде всего тем, что изучение причастий приходится уже на 6 класс.

На наш взгляд, теории, представленной в этом комплексе, недостаточно. Она оформлена в учебнике таким образом, что ее трудно не заметить, она лаконична и последовательна, но в ней не хватает теоретических моментов именно о «подводных камнях» в правописании омонимичных страдательных причастий прошедшего времени и отглагольных прилагательных. Однако что касается заданий и упражнений на отработку данного языкового явления, то в этом комплексе авторам удалось наиболее логично включить их, так как они выстроены в логике «от простого к сложному».

В нем в качестве ведущего средства обучения можно выделить рабочую тетрадь. Именно в ней представлены задания, направленные на отработку разграничения омонимичных страдательных причастий и отглагольных прилагательных, задействованы различные методы формирования учебно-языковых умений: это и работа с таблицами (составить, заполнить), лингвистическими справками, задания на замену одной части речи другой.

И последний комплекс, рассматриваемый нами, это комплекс Л. М. Рыбченковой, О. М. Александровой, О. В. Загоровской и других.

В целом, данный комплекс раскрывает суть языкового явления и теоретически, и практически. Однако из-за того, что в данный комплекс входят только учебник и рабочая тетрадь в двух частях, не хватает разнообразия в представлении ученикам различных типов заданий и упражнений. Из-за этого же в контрольное тестирование не включены интересующие нас задания (то есть в рабочую тетрадь входят 10 заданий на работу именно с причастиями, тест не содержит ни одного задания на сопоставления причастий с другими частями речи). Трудно выделить в данном УМК то, что можно отнести к ведущему средству обучения, так как задания и в учебнике, и в рабочей тетради идентичны.

Все три комплекса объединяет следующее: для каждого класса предусмотрен свой учебник, рабочая тетрадь, они реализуют коммуникативный подход к обучению русскому языку. Но есть и различия: так в первом комплексе причастия рассматриваются как самостоятельная часть речи, а в других – как особая глагольная форма, первые два комплекса реализуют индуктивно-дедуктивную подачу материала, а третий комплекс – индуктивное представление материала.

Проанализировав данные учебно-методические комплексы, трудно выделить какой-то один, как наиболее удачный, в полной мере раскрывающий суть языкового явления и представляющий задания и упражнения на отработку теории, потому что теория по разграничению омонимичных страдательных причастий прошедшего времени и отглагольных прилагательных, а также по переходу причастий в прилагательные наиболее полно раскрыта в комплексах Т. А. Ладыженской и М. Т. Баранова под редакцией Н. М. Шанского, а также Л. М. Рыбченковой и О. М. Александровой. Практические же задания, которые направлены на разграничение именно омонимичных при-

частий и отглагольных прилагательных, наиболее разнообразны в комплексе М. М. Разумовской и С. И. Львовой.

Таким образом, если стоит вопрос о рекомендации определенного комплекса для изучения омонимичных причастий и отглагольных прилагательных, то можно смело говорить о комплексе под редакцией Н. М. Шанского и Л. М. Рыбченковой и О. М. Александровой, но с включение для отработки материала дополнительных заданий из комплекса под редакцией М. М. Разумовской и П. А. Леканта.

Литература

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. Пособие для учителей. – Москва: Просвещение, 1976. – 208 с.

Влодавская Е. А. Диктанты по русскому языку: 7 класс: к учебнику М. Т. Баранова, Т. А. Ладыженской, Л. А. Тростенцовой и др.; науч. ред. Н. М. Шанский «Русский язык: 7 класс». – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экзамен, 2013. – 110, [2] с.

Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 1. Фонетика и морфология / под ред. В. В. Виноградова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 720 с.

Груздева Е. Н. Тесты по русскому языку: 6 класс: к учебнику М. М. Разумовской и др. «Русский язык. 6 класс». ФГОС (к новому учебнику). – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экзамен, 2015. – 143, [1] с.

Ларионова Л. Г. Рабочая тетрадь к учебнику «Русский язык. 6 класс» под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта: орфография. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2014. – 110, [2] с.

Литневская Е. И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка в средней школе: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. Е. И. Литневской. – М.: Академический проект, 2006. – 590 с.

Методика преподавания русского языка в школе: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Т. Баранов,

Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов; под ред. М. Т. Баранова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 368 с.

Политова И. Н. Контрольные и проверочные работы по русскому языку: 6 класс: к учебнику М. М. Разумовской и др. «Русский язык. 6 класс». ФГОС (к новому учебнику). – М.: Экзамен, 2015. – 190, [2] с.

Русский язык. 5-9 классы: рабочая программа / М. М. Разумовская [и др.]. – М.: Дрофа, 2017. – 205 с.

Русский язык. 6 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос [и др.]; под. ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. – М.: Дрофа, 2013. – 335, [1] с.: ил., 8 л. цв. вкл.

Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, О. В. Загоровская [и др.]. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2014. – 207 с.

Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова [и др.]; науч. ред. Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 2013. – 223 с.: ил.

Русский язык. Рабочие программы. Предметная линия учебников Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова, Л. А. Тростенцовой и других. 5-9 классы: пособие для учителей общеобразоват. учреждений / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Н. М. Шанский [и др.]. – 12-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 2011. – 111 с.

Русский язык: 6 класс: методическое пособие к учебнику М. М. Разумовской, С. И. Львовой, В. И. Капинос, В. В. Львова / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос [и др.]. – М.: Дрофа, 2019. – 225 с.

Рыбченкова Л. М. Русский язык. Рабочие программы. Предметная линия учебников Л. М. Рыбченковой, О. М. Александровой, О. В. Загоровской и других. 5-9 классы: пособие для учителей общеобразоват. учре-

ждений / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2012. – 108 с.

Рыбченкова Л. М., Роговик Т. Н. Русский язык. Рабочая тетрадь: 7 класс: в 2-х ч. Ч. 1. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 2016. – 61 с.

Рыбченкова Л. М. Русский язык. Поурочные разработки. 7 класс: пособие для учителей общеобразоват. учреждений / Л. М. Рыбченкова, И. Г. Добротина; Рос. акад. наук, Рос. акад. образования. – М.: Просвещение, 2012. – 128 с.

Сергеева Е. М. Тесты по русскому языку: 7 класс: к учебнику М. Т. Баранова и др. «Русский язык: 7 кл.». – 7-е изд., стереотип. – М.: Экзамен, 2013. – 112 с.

Текучева И. В. Русский язык: Контрольные и диагностические работы: к учебнику Т. А. Ладыженской [и др.] «Русский язык. 7 класс»: 7-й кл.. – Москва: АСТ; Астрель, 2014. – 159, [1] с.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / Минобрнауки России. – Екатеринбург: Ажур, 2017.

Черногрудова Е. П. Дидактические материалы по русскому языку: 7 класс: к учебнику М. Т. Баранова [и др.] «Русский язык: 7 класс». ФГОС (к новому учебнику). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Экзамен, 2015. – 142, [2] с.

УДК 811.161.1'373:811.521

Ежелева Ю. А. (УрГПУ, Екатеринбург)

Тенденции адаптации японизмов в русском языке

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции заимствования японизмов на лексическом, фонетическом, словообразовательном и морфологическом уровнях русского языка. Выявляются наиболее «популярные» тематические группы заимствований русским языком японской лексики. Обнаружены случаи заимствований словообразовательных пар, направления словообразовательной и семантической деривации, при этом отмечается, что японизмы редко вступают в словопроизводственный процесс с использованием русских аффиксов.

Ключевые слова: японизмы; русский язык; японский язык; заимствованная лексика; заимствованные слова; заимствование слов.

Сведения об авторе: Ежелева Юлия Александровна, студент 4 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; yulia.ezheleva@yandex.ru.

Ezheleva Yu. A. (USPU, Yekaterinburg)

Trends in the adaptation of Japanese expressions in the Russian language

Abstract. The article examines the tendencies of borrowing Japaneseisms at the lexical, phonetic, derivational and morphological levels of the Russian language. The most “popular” thematic groups of Russian borrowing of Japanese vocabulary are identified. Cases of borrowing word-formative pairs, directions of word-formative and semantic derivation were found, while it is noted that Japaneseisms rarely enter the word-production process using Russian affixes.

Keywords: Japaneseism; Russian language; Japanese language; borrowed vocabulary; borrowed words; borrowing words.

About the author: Ezheleva Yulia Aleksandrovna, 4th year Student of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Ни для кого не является секретом, что в словарном составе национального языка значительную часть составляют заимствования, и несмотря на то, что в последние годы лексика пополняется англицизмами, остальные языки не стоят в стороне и тоже активно пополняют лексический запас русского языка. В это же число языков-доноров входит и японский, заимствования из которого являются объектом данной статьи.

Для выявления тенденций заимствования японизмов были проанализированы слова, которые вошли в русский язык за последнее десятилетие. В сферу нашего внимания не входят заимствования, относящиеся к сферам спорта, в частности борьбы, и религии, т. к., во-первых, в основном эти слова были заимствованы раньше [Крысин 2010]; во-вторых, они используются в узкопрофессиональной сфере. Также стоит отметить, что некоторая лексика, которую мы рассматриваем, пусть и была заимствована в конце двадцатого века (например, искусству нэцке М. В. Успенский в 1986 году посвятил целую монографию), однако ее наиболее частотное употребление зафиксировано в более поздний период.

В результате анализа нами были выявлены следующие тенденции адаптации японизмов на разных уровнях языка.

На лексическом уровне все заимствования представляют собой субстантиваты и коммуникемы – нечленимые номинативные предложения [Меликян 2004: 77]. В каждой лингвокультуре существуют средства выражения специфичных концептуальных признаков, содержащих «...

этнокультурные коннотации, включающие широкую информацию, связанную с мифологическими и религиозными воззрениями народа, традиционными обрядами и ритуалами» [Коновалова 2012: 5]. К таким средствам относятся и характерные для японской лингвокультуры коммуникемы, в том числе из сферы речевого этикета [Гридина, Коновалова 1997: 68-72]. В России, как и в других странах, последняя категория, коммуникемы, в основном, представляет часть лексического запаса «любителей японской поп-культуры» [Ёмота 2018: 7]: *хай* («да»), *ие* («нет»), *охайо* («привет»), *сайонара* («пока»), *сумимасен* («прошу прощения»). Для данной группы японизмов можно отметить синкретизм вербальных и невербальных знаков, конгруэнтность которых является универсальной, фиксирующейся в разных лингвокультурах (см. об этом: [Гридина, Коновалова, Воробьева 2015: 10-11]).

Что касается субстантиватов, то их можно разделить на тематические (денотативные) сферы. Одна из самых крупных сфер – кухня: *бенто*, *васаби*, *дайкон*, *матча*, *мисо*, *моти*, *онигири*, *соба*, – уже сам данный набор говорит о достаточной развитости и популярности японской кухни в России. Кроме того, на базе уже прижившихся у нас номинаций продуктов создаются новые, так, например, в последнее время пользуется спросом напиток *матча-латте*, номинации которого созданы сложением японского и итальянского корней.

Другая сфера, которая представлена в русском языке весьма разнообразно, – искусство, ср. названия видов искусств: *киригами*, *кусудамы*, *мидзухики*, *нецке*, *окимоно*, *осибан*, *суми-э*, *укиё-э*, *темари*. Мастера, являющиеся представителями вышеуказанных искусств, часто проводят мастер-классы для российской аудитории; отдельные виды живописи входят в учебную программу российских художественных школ.

Самая насыщенная тематическая группа – культура и реалии быта, в которую вошли такие слова, как: *котацу*, *нингё*, *таконома*, *сейю*, *аниме*, *манга*, *кинцуги* и др. В составе лексем данной группы представляет слово *ранобэ* (разновидность японской литературы, которая ориентирована на подростков), которое является японской полукалькой с английского *lightnovel*: *га* (от *light*) + *нобе* (от *novel*).

Более мелкие группы составляют названия жанров, которые стали актуальными в связи с ростом популярности аниме и манга. Детализация названий нацелена на установление возрастных и гендерных границ пользователей: *кодомо* (аниме и манга для детей), *сёдзё* (аниме и манга для девочек-подростков), *сёнен* (аниме и манга для мальчиков-подростков), *сэйнен* (аниме и манга для людей старше 18 лет, но без порнографического содержания), а также бренды, такие как: *Кензо*, *Сейко* и *Шисейдо*.

На фонетическом уровне наблюдается тенденция к освоению русским языком японской лексики, так например: *ракуго* [р'ькуго], *мисо* [м'ись], *мангака* [манг'акъ] – во всех приведенных случаях мы можем наблюдать действие закона чередования звуковых единиц, при котором безударные гласные подвергаются качественной редукции. В то же время существует тенденция к сохранению фонетики языка-источника. Например, в лексеме *нэцке* [netsuke] в соответствии с транскрипцией в русском языке данное слово должно читаться как *нэцке*, но сработал фонетический закон японского языка, при котором гласный [y], стоящий между глухими (звук [ц] в японском языке – глухой) согласными, может подвергаться редукции «от незначительного сокращения длительности вплоть до почти полного эллипсиса» [Рыбин 2012: 142]. В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией полной редукции безударного гласного.

На уровне словообразования заимствуются слова, связанные отношениями производности: *манга* (японские ко-

миксы) → *мангака* (тот, кто рисует мангу); *хаси* (палочки для еды) → *хасибукуро* (чехол для палочек), *хаси* (палочки для еды) → *хасиоки* (подставка для палочек). Они стали производными уже в японском языке, и оба слова, составляющие словообразовательную пару, заимствованы русским языком, что само по себе очень редкое явление. Особого внимания заслуживает заимствование именных суффиксов: *-тян-* (уменьшительно-ласкательный для лиц женского пола), *-кун-* (уменьшительно-ласкательный для лиц мужского пола); *-сан-* (нейтрально-вежливый для обоих полов).

В морфологическом плане отмечается тенденция к сохранению грамматических признаков языка-источника, для которого характерной особенностью является отсутствие склонения, числа и рода у существительных, местоимений и числительных [Караев 2009: 62]: в русском языке основная часть заимствованных из японского лексических единиц не склоняется. Другими словами, можно говорить о том, что морфологически японизмы не освоены, поскольку не подчинились законам русского словоизменения.

Таким образом, мы можем сделать выводы относительно основных тенденций в области заимствования японизмов: 1) вхождение в язык преимущественно существительных, что объясняется заимствованием реалий японского быта и культуры с соответствующими названиями; 2) японизмы морфологически чаще всего не освоены (сущ. не склоняются, а редкие прилагательные (*каваи* «милый») не изменяются по родам, числам и падежам); 3) заимствования из японского, как правило, еще не вступают в словопроизводственный процесс с использованием русских аффиксов, исключение составляют несколько слов (*аниме* → *анимешник*, *аниме* → *анимешный*); 4) активно растущим можно считать словообразовательное гнездо с вершиной *суши* и производными от него, образованными способом

чистого сложения: *суши-повар, суши-бар, суши-меню, суши-вок*; 5) интересным представляется факт заимствования словообразовательных пар, в которых производящее и производное – японизмы. Отмеченные тенденции соответствуют креативным стратегиям освоения иноязычной лексики (см. об этом подробнее в: [Лингвистика креатива 2013]), проявляющимся в разных дискурсивных практиках современного социума.

Литература

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Наше вам с кисточкой! (Языковая игра с этикетными формулами речевого общения) // *Филологический класс*. – 1997. – № 2. – С. 68-72.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И., Воробьева Н. А. Невербальная коммуникация: практикум. – Екатеринбург, 2015. – 106 с.

Ёмота И. Теория каваяи / пер с японского, вступ. статья А. Беляева. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 216 с.

Караев Б. А. Японская языковая система: справочное пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Восточная книга, 2009. – 253 с.

Коновалова Н. И. Традиционная народная культура в зеркале языка // *Филологический класс*. – 2012. – № 3 (29). – С. 5-11.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2010. – 944 с.

Лингвистика креатива / под общей редакцией проф. Т. А. Гридиной. – 2-е издание. – Екатеринбург, 2013. – 368 с.

Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: учебное пособие. – Ростов н/Д.: РГПУ, 2004. – 288 с.

Рыбин В. В. Фонетика японского языка. – СПб.: Гиперион, 2012. – 343 с.

УДК 81'42

Козлова А. В. (УрГПУ, Екатеринбург)

**Обозначение «дополнительных» персонажей
в заговоре как сакральном тексте**

Аннотация. Субъектно-объектная организация рассматривается как лингвокультурологическая составляющая текстов русских народных заговоров. Описаны особенности мифологического сознания народа. Обозначены причины обращения к заговору как сакральному тексту, рассмотрены его особенности. Обозначен сюжетный состав заговорного текста, представлены общие характеристики главных персонажей, а также выделены тематические группы «дополнительных участников» заговора. Особое внимание в статье уделяется представлению способов означивания персонажей, составляющих центр заговорного универсума. Приводятся лингвокультурологические комментарии к заговорным текстам, в которых эксплицирована их субъектно-объектная организация.

Ключевые слова: заговоры; сакральные тексты; субъектно-объектная организация; персонажи заговоров; лингвистические модели.

Сведения об авторе: Козлова Анна Владимировна, студент 2 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; kozlova.anutaa@yandex.ru.

Kozlova A. V. (USPU, Yekaterinburg)

**The designation of “additional” characters
in the spell as a sacred text**

Abstract. The subject-object organization is considered as a linguoculturological component of the texts of Russian folk spells. The features of the mythological consciousness of the

people are described. The reasons for referring to the spell as a sacred text are outlined and its features are considered. The plot composition of the plot text is indicated, the general characteristics of the characters are presented and the thematic groups of “additional participants” of the plot are highlighted. Special attention is paid to the presentation of the ways of signifying the characters that make up the center of the spell’s universe. Linguoculturological comments on the conspiracy texts, in which the subject-object organization is explicated are given.

Keywords: conspiracies; sacred texts; subject-object organization; conspiracy characters; linguistic models.

About the author: Kozlova Anna Vladimirovna, 2nd year Student of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Этнолингвистов всегда интересовало, каким образом в языке народа отражаются его представления о мире. Чтобы понять это, требовалось тщательное изучение отдельных сфер культурной жизни людей, особенно это касалось тех, в которых главным фактором выступал язык. В данном случае можем упомянуть о таком понятии, как «устная народная культура», которое вмещает в себя и устное народное творчество, и диалектную речь, и тайные профессиональные языки, бытующие в народной среде. Ведь именно слово являлось наиболее действенным по своим функциям. В словесных единицах, языковых «стереотипах» отражались духовные ценности народа, его мировоззрение, миропонимание, а главное, в слове выражалось народное самосознание [Коновалова 1993; Бекасова 2020].

Почему же в прошлые времена обращение к заговорам было актуальным? На это есть несколько причин. Первая – это господство архаического мышления. «Семантическая модель заговора демонстрирует системность архаических представлений о человеческом бытии, что находит отражение в смысловых комплексах, где компоненты выража-

ют сакральную семантику только в соотнесении друг с другом» [Коновалова 2012: 18-20]. Итак, архаическому мышлению, породившему заговорные тексты как таковые, свойственно предметное представление о существах. Вещественны явления, чувства, состояния и даже действия. «Заговоры возникают на почве диффузного, по терминологии Н. Я. Марра, мышления с характерной для этого мышления нерасчлененностью представлений. Именно наличие диффузного мышления и диффузных, нерасчлененных представлений о природе явлений, состояний, существ, стихий и вещей и обусловило возникновение заговоров» [Петров 1981: 131]. В этой связи мы можем говорить о тождественности предметов и человека. Здесь находят свое отражение магические действия «прикосновения» и «передачи». Так, исходя из вышесказанного, будем понимать, что, например, такое состояние, как болезнь, – вещественно. А значит, ее можно передать другому человеку или же животному. Рассматривая структуру заговора, мы видим, что субъект таинства, избавляющий себя или же своего товарища от недуга, использует словесные модели «отправления», «посыла»: *«С лесу пришло, на лес пойди, с ветру пришло, на ветер поди, с народу пришло, на народ поди» (от сглаза); «Грыжи, вы грыжи, родимые грыжи, не грызите вы, грыжи, моего младеня. Подите вы, грыжи, в темный лес. Там есть гнилая колода. Ешьте, грызите, гнилую колоду, пейте вы, грыжи, холодную воду...» (от грыжи)* и т. д.

Обращение к заговорным формулам свидетельствует о том, что люди нуждались в помощи, но не со стороны обычных людей (таких же, как они), а со стороны тех, кто обладает особыми магическими способностями, тех, для кого становится возможным решить любую проблему, а также помочь достичь преследуемой цели. Второй причиной применения заговоров становится «недоверие» к зем-

ным существам. «И вот это постоянное внутреннее беспокойство, сознание своего бессилия перед несчастной случайностью заставляет искать защиты в средствах магических, обращаться к предметам, в которых предполагается особенная волшебная сила, направить просьбы к существам, более надежным, чем люди» [Елеонская 1994: 145].

Мифологическое восприятие окружающей действительности придает заговорам характер таинственный, магический. Отражается это и на структуре заговора. Персонажи заговорного текста – это не обычные существа, это – нереальные, мифические образы, созданные народным сознанием (см. об этом, в частности, в: [Коновалова 2000: 551; Гридина, Коновалова 2020; Лингвистика креатива 2013; Лингвистика креатива-5 2020]). Именно в структуре заговора их фигуры приобретают характер глобальный, титанический.

Заговорный текст «заселяют» существа по своим способностям исключительные, идеальные и всемогущие, что не под стать обычным людям. Они наделены особыми функциями спасения от бед, излечения от болезней или избавления от недугов; «аномальными», уникальными по своему характеру считаются их возможности «присушки» (или «отсушки») одного человека к другому (или от другого).

Обращаясь к структуре заговора, Т. А. Агапкина в одной из своих статей определяет несколько уровней построения заговорного универсума. Подробнее нами будет рассматриваться третья составляющая «мифологического центра», в состав которой входят культовые мифологические персонажи, располагающиеся внутри, вблизи или непосредственно в культовом объекте. Именно к ним обращается субъект, прибегая к использованию различных языковых средств. Актуальным в этой связи является рассмотрение пяти тематических групп персонажей, входящих в структуру данного сакрального текста и составляю-

щих основу его сюжета: «1. Сакральные персонажи, связанные с христианской традицией (апостолы, святые, мученики, ветхозаветные и новозаветные персонажи, церковные лица): Иисус Христос, Господь, Богородица» [Агапкина 2005: 264]; «2. Мифологические и прочие антропоморфные персонажи: три царя, 12 цариц, девица, панна, сестрицы, девочка, баба с дочерьми и т. д.; 3. Неантропоморфные (преимущественно зооморфные) мифологические существа: щука, рыба, лягушка, рак-скорпион, Рог, змей, змея о 12 голов, волоснёва мати, три хорты, волчица и т. д.; 4. Наконец, в достаточно редких случаях в мифологическом центре персонаж как таковой либо отсутствует вовсе, либо на его месте появляется покойник: мертвец (33 мертвеца), баба неживая, молодой покойник, девица-мертвица, Иван мертвец, мертвое тело, мертвая голова и т. п.» [Там же: 265]; 5. «<...> в заговорах от змей в мифологическом центре находится царь/царица Змей, царь Гад, главный змей, царь всех змей...» [Там же: 267].

Становится возможным выделить лингвистические «модели» [Лингвистика креатива ... 2020; Мурзина и др. 2012; Шаповалова 2018] как способы представления временной организации текстов традиционной народной культуры, существования в них «дополнительных персонажей».

Особый интерес вызывает группа номинаций персонажей-помощников. **Персонаж-помощник** – конкретное лицо (предмет, явление) заговора, которые помогают говорящему совершить обряд, а также уберечь его от потусторонней силы. Анализируя тексты заговоров в ключе изучения субъект – объектной организации, мы наблюдаем различные варианты номинации, как сакральных персонажей, так и природных объектов. Конкретные примеры способа обозначения «участников» заговорного текста помогут нам проследить это разнообразие (в описании сначала отмечаются группы персонажей, затем способы их представле-

ния, а затем конкретные примеры заговоров, в которых использована данная лингвистическая «модель»).

1. Святые, сакральные персонажи:

А. Господь / Господи Иисусе Христе / Сыне Божий: *«Господи, Иисусе Христе, Господи, благослови! Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота. Выйду в чистое поле, пойду к граду Иерусалиму. Едет Господь и видит Господь, мучается жена со младенцем. Отворяйте ворота костяные, мясные и животные. Как свет Пресвятая Богородица родила истинного Христа не болевши, не стонавши, всему миру не слышавши, так и раба Божья (имя рек) родила князя (княгиню), не болевши, не стонавши, всему миру не слышавши. Аминь»;* *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Как сырая мать земля не тряхнется, не воротится, не испугалась, не тряхиалась младенца рабича Нины. Во имя Отца, и Сына, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь»;* *«Господи, спаси и сохрани от зверя лютого, от волка, от медведя, от человека недоброго! Я стою и ты, медведь, стой! Я на ты не смотрю, и ты, медведь, на меня не смотри! Я пойду, ты не трону, и ты, медведь, иди, меня не тронь...».*

Б. Пресвятая Богородица / Матушка Пресвятая Богородица / Мать Божия/ Батюшка Покров: *«Матушка пресвятая Богородица! Сама слети, нет – дак посыльников пошли: сынка, как сокола, а девушку, как ластушку»;* *«Раба твоя (имя) идет по святой дороге. Пойду на светлую дорогу. Мать Божия, встань мне на помощь, раба твоя (имя) месяцем подвяжется, зарями огородится, и вас, всех врагов, и начальников, и всех злых людей не боится»;* *«Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня женишком».*

В. Ангел хранитель (сохранитель, охранитель) / Ангел заступник / Архангел: *«Ангел, мой заступник, подай мне венец золотой. / Со звенящей фатой, с Господним светом, /*

С серебряным отсветом. / Надень тот венец на мою головушку, / Не на месяц, не на год, а на сколько / Раба (имя) проживет. / Чтоб от того венца привлекалось ко мне / Злато-серебро да иное добро. / Во имя Отца и Сына и Святого Духа. / Аминь»; «Ложусь я спать, на мне крестовая печать, / По бокам Ангелы – Хранители,/ Сохранители – Охранители, / Спасите мою душу с вечера до полуночи, / С полуночи до утра. / Аминь»; «На море-океане, на остром кургане стоит дуб, под дубом – куст, под кустом – черная руна, под той руной – черная змея Скоропея с малыми скоропятами. Змея Скоропея, вынимай своих скоропят лютых, летучих, норовых, полевых, щелевых, желтохвостых, зеленых, краснопузых, болотных, земляных, водяных. А не вынешь свое жало, пойду к лихому архангелу...».

Поскольку религия всегда играла важную роль в жизни верующих людей (в особенности в прошлые времена), логично, что христианские святые становятся центральными персонажами заговора. В круг их способностей входит излечение от любых болезней, избавление от недугов, а также решение людских бытовых проблем. Кто как не Бог мог защитить от бедствий, обрушившихся на «простых смертных» людей? К слову, святым доверяли больше, чем кому-либо другому.

2. Силы природы:

А. Заря (зоря) / Зоренька / Заря – зарница (зореница): «Заря ты, зоренька, красная, ясная, утренняя – Дарья, вечерняя – Настасья, унеси бессонницу-полуношницу у рабы божьей (имя). Полуношница, полуношница, не декуйся над моим детём, а декуйся в синем море над серым камнем. Аминь»; «Встану я, раба Божья, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в избу, из ворот в ворота. В чистом поле поклонюсь и помолюсь всем зарям-зарницам, всем братьям, всем сестрицам, луне-матушке, солнцу-батюшке, моему красному молодцу...»; «Встану, благословясь, пойду, пере-

крестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота. Выйду в чистое поле. И встану я лицом к зори. И помолюся, и поклонюся двум зорям, двум сестрам: утренней зоре Ульяне, вечерней – Маремьяне. утренняя зоря Ульяна, вечерняя зоря Маремьяна, а возьмите-ка вы у меня всю кашлету и удушье, а снесите-ко ее за океан-море. За океан-морем все примут. Там для вас напечено и наварено. Аминь».

Б. Ветер / Вихорь: *«Стану благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из ворот воротами, на широкий двор, в чисто поле. В чистом поле помолюся, поклонюся. Есть двенадцать ветров, двенадцать вихорев, сильные, буйны, как сушите, крушите весной по поле, среди лета теплого ниву сжату, траву скошену, так же высушите, выкрушите моего суженого-ряженого черные брови, черные очи, кровь его горяча и сердце ретиво...».*

В. Солнце-батюшка / Красное солнышко – батюшка: *«Встану я, раба Божья, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в избу, из ворот в ворота. В чистом поле поклонюсь и помолюсь всем зарям-зарницам, всем братьям, всем сестрицам, луне-матушке, солнцу-батюшке, моему красному молодцу. Мои русые волосы, присмотритесь, мои русы косы, приглядитесь, в меня, девушку, раб Божий (имя) влюбится, в черные брови, в ясные очи, ретивое сердце, черную печень, алую кровь. Не мог без меня ни жить, ни быть, ни дню днествовать, ни ночи ночевать. Моим словам ключ и замок. Аминь».*

В заговорных текстах такого типа природные объекты «очеловечиваются», переносят на себя характеристики людей: приобретают внешние качества, обладают физической силой, именуется.

3. Сказочные и мифологические персонажи:

А. Птицы – железные носы, булатные когти: *«Встану я, раба Божья, благословясь, пойду перекрестясь, в чисто поле, под восточную сторону. Под восточной стороной*

стоит дерево. На том дереве сидят птицы – железные носы, булатные когти...».

Б. Змий (змей): «Встану я, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, Из ворот в ворота. Выйду я на крутое крыльцо. Спустишь по той частой лестнице, погляжу по матери по сырой земле, по синему облаку, там летит злый, огнедышащий, палящий змий...».

Данные категории персонажей представляются нам наиболее устрашающими, наводящими страх. Мифические образы представлены в заговорах не только как исключительно положительные «участники». Мы с уверенностью можем сказать, что наличие их в текстах может носить двойственный характер. Они выступают и как «помощники», и как «вредители». Считается, что именно эта группа может нанести непоправимый удар по жизни и в том числе здоровью объекта заговора.

Таким образом, анализ состава персонажей, а также классификация их по тематическим группам позволяет сделать вывод о том, что в мир заговора народ помещает тех, кто наделен исключительными свойствами, обладает высоким символическим статусом. Именно им под силу выполнить основные функции, которые приписываются их образам: исцеление, спасение и дарение. Помимо этого, механизмы использования антропоморфных метафор в заговоре (например, Солнце-батюшка, Заря-матушка и т. д.) являются универсальными для разных лингвокультур и позволяют «выявить наиболее продуктивные модели <метафорических> номинаций (путем обобщения конкретных направлений образной идентификации денотативных сфер «человек» и «природа»), их универсальные и специфические смыслы в языковых картинах мира» [Гридина, Коновалова 2020: 6].

Литература

Агапкина Т. А. Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) // Заговорный текст: Генезис и структура. – М.: Индрик, 2005. – С. 247-292.

Аникин В. П. Русские заговоры и заклинания. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 480 с.

Бекасова Е. Н. Креативность на грани сакрального и профанного в древнерусском тексте // Уральский филологический вестник / гл. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. – № 2. – С. 239-256.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метафора в свете национальной ментальности: монография. – Екатеринбург, 2020. – 226 с.

Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России. – М.: Индрик, 1994. – 272 с.

Коновалова Н. И. Демонологическая лексика как фрагмент концепта «сакральное» в русском языковом сознании // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2000. – С. 551-556.

Коновалова Н. И. Модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре // Педагогическое образование и наука. – 2012. – № 11. – С. 18-20.

Коновалова Н. И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1993. – 20 с.

Лингвистика креатива: коллективная моногр. / под общей ред. Т. А. Гридиной. – 2-е издание. – Екатеринбург, 2013. – 368 с.

Лингвистика креатива-5: коллективная монография / под общей редакцией Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2020. – 392 с.

Мурзина И. Я., Мурзин А. А., Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Краеведческий проект: теория и практика реализации в школе и вузе // Филологический класс. – 2012. – № 3 (29). – С. 39-47.

Петров В. П. Заговоры // Из истории русской советской фольклористики. – Л., 1981. – С. 77-142.

Шановалова Т. Е. Синтаксическое воплощение времени в изъяснительно-объектном типе сложноподчиненных предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2018. – № 5. – С. 139-146.

УДК 811.581'374

Коновалова Н. И. (УрГПУ; УрФУ, Екатеринбург)

Ян Ц. (УрФУ, Екатеринбург)

**Неологизмы 21 века в китайской
лексикографической практике:
экспериментальное исследование**

Аннотация. В статье анализируются неологизмы, зафиксированные в китайских словарях новых слов 21 века. Выделяются лексические, семантические и графические неологизмы, определяются причины появления новых слов в китайском языке: влияние диалектов, заимствования, метафоризация. Отмечается такое нетипичное для китайского языка явление, как аббревиация. Показаны экспериментальные методики выявления степени усвоенности неологизмов разных типов представителями китайской студенческой молодежи.

Ключевые слова: неологизмы; лексические значения; психолингвистические эксперименты; словари новых слов; новые слова; лексикография; китайский язык; лексикология китайского языка.

Сведения об авторах: Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург); профессор ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург).

Ян Цаньцань, студент 4 курса ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург).

Konovalova N. I. (USPU; UrFU, Yekaterinburg)

Yang C. (UrFU, Yekaterinburg)

**21st Century Neologisms in Chinese
Lexicographic Practice: An Experimental Study**

Abstract. The article analyzes the neologisms recorded in the Chinese dictionaries of the 21st century. The lexical, semantic and graphic neologisms are highlighted, the reasons for the appearance of new words in the Chinese language are determined: the influence of dialects, borrowings, metaphORIZATION. Abbreviation, which is not typical for the Chinese language, is noted. Experimental methods of revealing the degree of assimilation of neologisms of different types by representatives of Chinese student youth are shown.

Keywords: neologisms; lexical meanings; psycholinguistic experiments; dictionaries of new words; new words; lexicography; Chinese; Chinese lexicology.

About the authors: Konovalova Nadezhda Ilinichna, Doctor of Philology, Professor of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg); Professor of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg).

Yang Tsantsan, 4th year Student of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg).

Новые слова называются неологизмами, они есть во всех языках мира, тенденции их появления можно считать универсальными [Крысин 2008; Русский язык ... 2017]. Предметом данной статьи является анализ новой лексики, зафиксированной в китайских словарях в 21 веке. Изучение неологизмов важно для формирования языковой и речевой компетенций как носителей родного языка, так и инофонов (см., об этом, например: [Гридина, Коновалова, Воробьева 2015; Протасова 2020; Шаповалова 1990, 2017] Неологизмы бывают разных типов: лексические, когда появляется совсем новое слово, и семантические, когда у известного старого слова появляется новое значение.

Лексические неологизмы в китайском языке часто появляются под влиянием диалектов, когда какое-либо явле-

ние, обозначения которого не было в литературном языке (на базе мандаринского), начинает обозначаться диалектной лексемой.

Семантические неологизмы появляются в результате развития переносных (метафорических) значений. К группе лексических неологизмов относятся как собственно китайские слова, так и заимствования из разных языков.

Приведем примеры разных типов неологизмов, которые появились в 21 веке и зафиксированы в китайских словарях. В качестве источника материала нами использован 现代汉语新词语词典/刘海润.亢世勇主编. – 2版. – 上海: 上海辞书出版社, 2016.11 (Словарь новых слов современного китайского языка / гл. ред. Лю Хайрун, Кан Шийонг. 2-е изд., Шаньхай., 11.2016)

Лексический тип неологизмов

1. Собственно китайские новые слова.

白色垃圾 (Белый мусор) – Относится к выброшенным изделиям из пенопласта. Поскольку они в основном белые, их так называют.

包间 (Отдельная комната) – Гостиницы, рестораны, развлечения и другие места специально предназначены для определенного человека или определенных номеров гостей. Это могут быть VIP-персоны и любые обычные клиенты, но они должны заранее заказать эти помещения (сопоставимо с существующим в русском языке словом *бронировать* = *заранее заказать*).

2. Иноязычные слова.

白领 (белые воротнички – white-collar) – Относится к профессионально-техническому и управленческому персоналу, занятому умственным трудом.

必应 (Бийин – bing) – Китайская поисковая система производства Майкрософта.

马杀鸡 (массировать – massage) – массировать.

3. Слова, пришедшие из диалектов в литературный язык. Эта тенденция особенно заметна в китайской лингвокультуре, т. к. в КНР по традиционной классификации насчитывается семь диалектных групп (в последние годы выделяют еще 3 труппы: аньхой, пинхуа и цзинь), причем диалекты очень отличаются друг от друга, в отличие, например, от русских.

服务生 (официант) – Диал. (Кантонский диалект).
Персонал, развлекающий гостей в сфере услуг.

跌眼镜 (уронить очки) – Диал. (Тайваньский диалект).
Относится к неожиданным и потрясающим результатам.

跌份 Потерять лицо – Диал. (Пекинский диалект).
Потерять лицо = испортить репутацию.

Семантический тип неологизмов

Употребление старых слов в новом значении (курсивом выделены новые значения в структуре многозначных слов):

补血 (Помогать от малокровия) – 1. Пополнять запасы свежей крови (значение, с которым слово уже функционировало в языке). 2. *Метафора: Пополнять новыми материалами или новыми участниками помогать в развитии какого-либо дела, предприятия, бизнеса.*

触雷 (Наскочить на мину) – 1. Рисковать. 2. *Делать что-то незаконное.*

地震 (Землетрясение) – 1. Колебания земной поверхности, подземные толчки. 2. *Метафора события, вызвавшего сильный шок.*

Среди новых слов, появившихся в китайском языке в 21 веке, заметную, самую популярную группу составляют технические термины, особенно терминология интернет-

коммуникации (в том числе – компьютерный сленг). Это, по-видимому, отмечается во всех языках мира:

端口 – Интерфейс, используемый компьютером для подключения к периферийному оборудованию.

点击 (кликнуть) – Наведите указатель мыши на контент, с которым нужно работать, и нажмите кнопку мыши.

电脑病毒 (компьютерный вирус) – Созданная человеком компьютерная программа с сильной разрушительной и паразитической мощностью.

菜鸟 (новичок) – Относится к людям, которые только что приняли новое, но еще не достигли технической зрелости.

跟贴 (комментировать) – На коммуникационных платформах в реальном времени, таких как система электронной доски объявлений в Интернете, следовать предыдущему посту, чтобы опубликовать сообщение, обсудить свои взгляды на определенную тему или прокомментировать заявление пользователя сети.

Особую группу неологизмов в китайском языке составляют *графические неологизмы*. Интересно также такое явление, как аббревиация, которая в принципе не свойственна китайскому языку. Однако такие примеры есть:

国际SOS儿童村 (Международная организация «СОС Киндердорф») – Учреждения по усыновлению и обучению детей-сирот. **考T** (Сдать T) – Сдать тест TOEFL. **三A** (Три A) – Автоматизация предприятия (factory automation), автоматизация деятельности офиса (office automation), автоматизация (house automation). Поскольку английские сокращения этих трех являются FA, OA, HA, они называются «Три A».

Новые слова, появляясь в языке, не сразу становятся понятными всем его носителям, поэтому при изучении таких слов используются разные технологии: «Так, для правополушарных детей должен быть предложен аналог выполнения задания (предметный эталон, вербальный пример, «привязка» к типовой ситуации и т. п.). Для левополушарных детей предлагается подробный алгоритм выполнения задания, пошаговая инструкция с демонстрацией отдельных примеров» [Гридина, Коновалова 2016: 41]. Результаты освоения неологизмов могут быть исследованы с помощью различных экспериментов. Мы провели пилотный психолингвистический эксперимент *по методике прямого толкования* [Гридина 2014: 153-158; Лингвистика креатива 2013].

Инструкция была предъявлена таким образом: «Просим вас принять участие в эксперименте. Вам будут показывать слово или словосочетание, которые зафиксированы в китайском словаре новых слов 21 века, а вы за одну минуту попробуйте любым способом объяснить значение этих слов. Если вы думаете, что это слово многозначное, пожалуйста, запишите все значения, которые вы знаете. Если вы не знаете, что значит какое-то слово или словосочетание, напишите ваше предположение (версию). Китайские студенты могут писать по-китайски или по-русски».

Было дано десять стимулов-неологизмов разных типов (лексических и семантических), в том числе такие, при толковании которых нужно учитывать комплекс факторов (см., например, подобное описание способов выражения семантики экспрессивного слова [Ваулина 2012], семантики сомнительности [Гоголина 2020: 19-26]). Назовем несколько стимулов:

Bay 哇塞 – (междометие) Используется для выражения удивления, волнения и неожиданных чувств. Слово заим-

ствовано многими языками, в том числе и китайским, из английского.

Крутой 给力 – 1. (прилаг.) крутой, отличный. Часто используется в восклицательных предложениях. 2. (гл.) дать силы.

Заряжать – (гл.) Метафора увеличения запаса знаний в процессе обучения (возможно, коррелирует с русским сленговым *заряжать мозги*).

Белое потребление 白色消费 – 1. Расходы на похороны. Похороны также называют белами делами, отсюда и название. 2. Рациональное потребление. 3. Расход при употреблении наркотиков. Так как наркотики в основном белые, поэтому их называют.

Чёрный путь 黑道 – (сущ.). О профессорско-преподавательском составе. Метафорически переосмысленное визуальное представление о типичном преподавателе, который носит черную шляпу и ведет студентов по научному пути. (Исходное значение – преступный мир).

Три сопровождения 三陪 – 1. Женщины предоставляют мужчинам эротические услуги, такие как выпивка, танцы и времяпрепровождение с мужчинами в танцевальных залах, барах и других местах. 2. Сокращенное: эскорт-женщины.

Три золота 三金 – Золотое кольцо, золотые серьги, золотое кольцо. Это традиционные подарки, которые дарили на свадьбу, и до последнего времени не все китайцы могли себе это позволить.

Результаты эксперимента

Можно отметить, что все слова, кроме междометия *вау*, не освоены или не полностью освоены носителями современного китайского языка: чаще всего обнаруживается непонимание участниками эксперимента метафорических переносов и буквальное толкование метафоры.

Для толкований, данных по-русски, как правило, используются стратегии синонимизации и перефразирования.

ния, что, возможно, объясняется автоматизированным навыком включения слов в системные связи с другими лексическими единицами. В другом случае, когда предъявлены иероглифы без перевода и толкования даются по-китайски, используется стратегия толкования слова через описание ситуации, которая наглядно демонстрирует «деятельностную» семантизацию (симпрактический путь), что может быть объяснимым идеографической системой китайского письма и ее декодирования на основе семантических гештальтов (типовых ситуаций).

Результаты нашей работы могут быть полезны для изучения особенностей национальных лингвокультур России и Китая с учетом показаний языкового сознания носителей языка и инофонов.

Литература

Ваулина И. А. Аспекты восприятия экспрессивного слова: экспериментальные данные // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 163-169.

Гоголина Т. В. Специфика репрезентации категории сомнительности в современном русском языке // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности / гл. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2020. – № 18. – С. 19-26.

Гридина Т. А. Лингвокреативные стратегии семантизации слова и освоение операциональной техники языковой игры в онтогенезе: экспериментальные данные // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 5. – С. 153-158.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Диагностика грамматико-словообразовательных умений детей с общим недоразвитием речи как основа коррекционной работы // Специальное образование. – 2016. – № 2 (42). – С. 39-50.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И., Воробьева Н. А. Невербальная коммуникация: практикум. – Екатеринбург, 2015. – 106 с.

Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. – М., 2008. – 320 с.

Лингвистика креатива / под общей редакцией проф. Т. А. Гридиной. – 2-е издание. – Екатеринбург, 2013. – 368 с.

Протасова Е. Ю. Полифония многокультурного текста // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности / гл. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2020. – № 18. – С. 93-103.

Русский язык в многоречном социокультурном пространстве: моногр. / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. – М.: Флинта, 2017. – 324 с.

Шановалова Т. Е. Предложно-падежные формы с временным значением // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика: межвуз. сб. научных трудов. – М., 1990. – С. 159-165.

Шановалова Т. Е. Темпоральная семантика местоимённых собственно вопросительных предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2017. – № 1. – С. 43-48.

现代汉语新词语词典/刘海润.亢世勇主编. – 2版. – 上海:上海辞书出版社, 2016.11 Словарь новых слов современного китайского языка / гл. ред. Лю Хайрун, Кан Шийонг. – 2-е изд. – Шаньхай, 11.2016.

УДК 811.161.1'42

Начинова А. В. (УрГПУ, Екатеринбург)

**Символические смыслы антонимической пары
белый – чёрный в сакральных текстах
традиционной народной культуры**

Аннотация. Что символизирует цвет в архаической (мифосимволической) картине мира? Всегда ли колоратив указывает лишь на цвет того или иного предмета? В статье представлены результаты анализа базовых цветосимволов *белый* и *чёрный* в сакральных текстах традиционной русской народной культуры – заговорах, заклинаниях, поверьях, быличках. Автором предложена одна из возможных версий определения семантики колоратива, позволяющая выявить культурные смыслы цветосимволов в заговорах как наиболее устойчивых архаических сакральных текстах.

Ключевые слова: сакральные тексты; заговоры; лингвокультурология; антонимы; народная культура.

Сведения об авторе: Начинова Александра Вячеславовна, студент 2 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; sashuljanachinova@gmail.com

Nachinova A. V. (USPU, Yekaterinburg)

**Symbolic meanings of the antonymic pair *white – black*
in the sacred texts of traditional folk culture**

Abstract. What does color symbolize in the archaic (mythological) picture of the world? Does a colorative always indicate only the color of an object? The article presents the results of the analysis of the basic color symbols white and black in the sacred texts of traditional Russian folk culture – conspiracies, incantations, beliefs, stories. The author proposes one of the possible versions of the definition of the semantics of the

colorative, which makes it possible to identify the cultural meanings of color symbols in conspiracies as the most stable archaic sacred texts.

Keywords: sacred texts; conspiracies; cultural linguistics; antonyms; folk culture.

About the author: Nachinova Alexandra Vyacheslavovna, 2nd year Student of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Изучение наивной языковой картины мира представляется продуктивным при обращении исследователя к тематическому содержанию сакральных текстов традиционной народной культуры [Бекасова 2020; Гридина, Коновалова 2020; Мурзина ... 2012], поскольку в них отражаются осмысленные сквозь призму мифологического сознания основные бытийные параметры человеческого существования.

Зачастую в традиционной народной культуре колоративы обозначают не просто цвета спектра (к тому же, часто не совпадающие со стереотипными представлениями), но имеют и ряд других значений, интерпретировать которые можно только с учетом широкого контекста и фольклорных традиций. Так, предметом анализа в данной статье является цветосимволика колоратива *белый* и *чёрный*.

Дело в том, что эти цвета традиционно составляют антонимическую пару, компоненты которой соотносятся, по наблюдениям этнолингвистов, с семантическими парами «хороший» – «плохой» «счастливый» – «несчастливый», «здоровый» – «больной», «работающий» – «ленивый, вялый» *выявляются по отношению к признакам «белый» – «чёрный»...*» [СД 1 1995: 152].

Рассмотрим культурные смыслы колоративов, при этом следует учитывать, что «...актуальность для участников сакральной коммуникации имеют не только ядерные компоненты значения произносимого вербального текста, но и закрепленные в них этнокультурные коннотации, фоновые

знания, социально значимые пресуппозиции» [Коновалова 2020: 260]. В толковых словарях указывается несколько значений слова *белый*: «1. Цвета снега или мела. 2. Светлый, в противоположность чему-н. более темному, именуемому черным. *Б. хлеб* (пшеничный). *Б. гриб* (ценный трубчатый съедобный гриб с белой мякотью, с бурой шляпкой и толстой белой ножкой). *Белое вино*. *Белые ночи* (ночи на севере, когда сумерки не переходят в темноту)» [Ожегов, Шведова 2010]. Остальные лексико-семантические варианты вводятся идентификаторами социолингвистического характера («в первые годы гражданской войны: относящийся к вооруженной борьбе за восстановление законной власти в России; то же, что белогвардеец» [Ожегов, Шведова 2010] и др.), и в рамках данной статьи нами не анализируются.

В некоторых сакральных текстах народной культуры слово *белый* имеет единственное первое значение («цвет снега или мела») и указывает на цвет описываемого предмета.

Проходила коляда

Наперед Рождества.

Винограде красно-зеленое мое!

Напала пороша

Снегу беленького... [Пропп 1995: 50].

Ср. также в заговоре от рожи: «*По мхам, по болотам, по белым березам разбейсь, раскатись. Царь Давид Константин сократил небо и землю, и сократи скорбну болезнь рабу Анну святого духа. Аминь*». Эта часть произносить три раза. Заговаривали утром рано, перед произнесением умывались, крестились. Над больным местом рукой чертили круги и кресты [РЗиЗ 1998: № 002].

Однако количество подобных словосочетаний с *белый* в прямом значении сакральных текстах невелико, чаще отмечаются переносные, метафорические значения. Рассмотрим, например, символику этого цветообозначения в при-

вороте на благополучие: *«Я им помолюся, умоюся росой целебною, утруся мхами шелковыми (белым полотеннышком), поклонюся красному солнышку, ясной зорюшке. Попрошу: не сушите матери родной земли, а присушите раба Божьего (имярек), разожгите у раба Божьего алую кровь и ретивое сердце (черную печень, горячую кровь и всю стать человеческую)»* [Коновалова 2007: 135].

На первый взгляд, слово «белый» в данном сакральном тексте употребляется в первом значении. Примечательно, однако, что *белый* употребляется в ряду метафор: «мхи шелковые», «фроса целебная». Важно отметить, что сочетание с колоративом *белое полотеннышко* дано в скобках, а такая подача материала используется в текстах заговоров для обозначения вариативности эпитетов, т. е. в этом контексте *бело полотеннышко* по функции равнозначно эпитету *мхи шелковые*. Можно предположить, что слово *белый* используется в метафорическом значении – ‘чистый, очищающий, целебный’. Чтобы верифицировать это предположение, обратимся к этнолингвистическим источникам.

«...Белый способен означать сакральность, чистоту, плодородие, свет и т. п. ...Так, у сербов увидеть первый раз в году белую овцу или белую бабочку означало, что год будет хороший и счастливый... В р-не Боки Которской белые и небелые бабочки предвещали соответственно здоровье и нездоровье...» [СД 1 1995: 151-152].

И действительно, в славянской традиции слово *белый* имеет сакральный смысл. Об этом свидетельствует, в частности, мифологема *священный бел-горюч камень*. Приведем несколько примеров заговоров:

От родимца и прочих болезней: «Стану, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду в чистое поле, пойду далеким-далеко к окиян-морю. В окиян-море бел латырь-камень, на этом камне нет ни крови, ни ольхи, ни опухоли. Так бы и у моего младеня (имя

рек) не болело, не тянуло, ни в жилъе, ни в суставах, ни в костях, ни в мозгах, ни в буйной голове, ни в горячей крови. Аминь» [РЗиЗ: № 001].

На синем море –

Бел-горюч камень,

На бел-горюч камне –

Бела лебедь.

Как отлетает перо от белой лебеди,

Так отойдите от меня,

Внука Даждьбожьего [имярек],

Горячки и скорби.

... Слово моё твердо,

*Как **бел-горюч камень!** Гой! [ВЗ: 9.3-20 № 5].*

...У того синего моря Окияна

*Лежит **бел-горюч** Алатырь-Камень,*

*Под тем под **белым** Алатырём-Камнем*

Лежат три дубовыя доски,

А под теми досками – три тоски тоскуция,

Три рыды рыдучия... [ВЗ: 18.26-27 № 1].

Существует много версий относительно реального цвета алатырь-камня, наиболее убедительными из них представляются те, которые соотносят камень с янтарем на том основании, что это единственный «теплый камень» (= горюч) и связан с морем (ср. устойчивые формулы с компонентами *море, океан*, описывающие местонахождение латырь-камня). Можно, таким образом, предположить, что цвет мифологического камня – от молочно-белого до ярко-желтого. Кроме того, семантика мифологемы в текстах заговоров (см., например, приведенные выше примеры) актуализирует коннотации «чистый», «могущественный», «крепкий = надежный», «исцеляющий».

Другое (противоположное) значение имеет слово *белый* в следующем сакральном тексте: *Жила женщина с мужем. Однажды родился у них ребенок. В честь новорожденного*

собрались гости. Начался пир. Вдруг в полночь кто-то постучал. Женщина открыла дверь. На пороге стояла белая старуха. «Что вам надо, бабушка?» – спросила она. Старуха ничего не ответила, только указала на ребенка. Женщина закрыла дверь. Потом посмотрела она в люльку. Ребенок был мертв [Коновалова 2004: 73].

Из контекста употребления колоратива становится очевидно, что цветообозначение употребляется здесь в метафорическом значении – болезнь, смерть, горе, несчастье. Ср. типичный антропоморфный образ смерти; кроме того, белый ассоциируется с погребальным саваном; белый наряд невесты обозначал своеобразную смерть в роду и переход на жительство к мужу. Белое убранство в гробу демонстрирует отрешённость покойного от земных дел. Такого рода культурные коннотации фиксируются и этнолингвистическими источниками. Ср.: *«В образе женщины в белых одеждах представляли смерть... Западноморавское поверье утверждает: увидеть весной белую бабочку – к смерти...»* [СД 1 1995: 153]. В финале данного сакрального текста *«ребёнок был мёртв»*, актуализируется символика белого как устойчивого эпитета смерти.

Таким образом, колоратив «белый» в анализируемом нами сакральном тексте имеет символическое значение «здоровый». Очевидно, что и антонимический партнер – слово «черный» употребляется именно в значении «больной». Ср.: следующие значения этого колоратива: «1. Цвета сажи, угля. Ч. креп (траурный). Черные фигуры (в шахматах). Черные глаза. Черное (сущ.) за белое выдавать (лгать, исказить истину). 2. полн. ф. Темный, в против. чему-н. более светлому, именуемому белым. Ч. хлеб (ржаной). Ч. гриб. Ч. Кофе (без молока) [...] 5. перен. Мрачный, безотрадный, тяжелый. Черные мысли. Черные дни. В черных красках изобразить что-н. Видеть все в черном свете. 6. полн. ф., перен. Преступный, злостный.

Черная душа. Черная измена. Черное дело сделал кто-н. Черные силы реакции» [Ожегов, Шведова 2010]. Именно эти лексико-семантические варианты составляют основу нашего исследования, ведь остальные не имеют сакральных коннотаций, то есть в них доминирует денотативный компонент (о семантической структуре полисемантов и контекстуальных «приращениях» см., например, в: [Герасименко 2014; Шаповалова 2000]).

Определим символику черного цвета, который используется в привороте на разлучение:

*«Не в чистом поле есть **черное-черное** море, синий камень, пенье да коренье, стоит избушка на курьих ножках, ледяная печь, по огненной реке плывет осинова лодка (с угольем зыбня, **черный** плот)»* [Коновалова 2007: 114].

Очевидно, что черный цвет используется в привороте на разлучение неслучайно. Событию сопутствуют мрачные мысли, плохие деяния, именно поэтому положительно коннотированная лексика не может использоваться.

Из контекста употребления цветообозначения определить, в каком именно значении употребляется колоратив достаточно сложно. Необходимо отметить, что используется стилистический приём редупликации²: «черное-черное». Так, звучание текста становится более напряженным, а выражение цвета – более интенсивным. Отсюда, вероятно, *черное* означает мрачное, безотрадное, что соответствует пятому и шестому ЛСВ. Без сомнения можем утверждать, что цвет имеет метафорическое значение.

² Редупликация – фонеморфологическое явление, состоящее в удвоении начального слога, целого корня или всего слова (ср. рус. «ееле», «белый-белый»); чаще редупликация выступает как средство варьирования лексического значения, выражая интенсивность (Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990).

Анализ контекста указывает на то, что приворот начинается с обозначения пространства – *не в чистом поле*. Очевидно, что свершение несправедливого дела происходит будто в другом измерении. Можно сделать вывод о том, что *черный* символизирует нечто опасное, преступное.

Чтобы расшифровать следующие образы – *пенье да коренье*, необходимо обратиться к диалектным словарям: «Коренье – 1. Собирает. Корни деревьев, кустарников. *Чуици – худое, негладкое место, это не луг, пеньё да кореньё там*» [СГРС 2014: 32].

Таким образом, изображена непроходимая дорога, препятствия для человека в виде зарослей и дебрей. О символике этих образов можно узнать из лингвокультурологических словарей: «В демонологии народной выделяется ряд локусов, которые связаны с постоянным или временным пребыванием мифологических персонажей... Среди природный пространств выделяются лес и отдельные деревья (кривые, одиноко стоящие, сухие)... Наиболее характерными путями проникновения мифологических существ из загробного мира на землю и обратно являются растения...» [СД 2 1995: 54].

За этим в привороте следует *избушка на курьих ножках* – значимый образ, известный с самого детства ещё из волшебных сказок. Он вновь связан с нечистой силой, а именно с Бабой Ягой, которая «обитает на границе леса в избушке на курьих ножках, оказывается людоедом – похитительницей детей, противницей или помощницей героя...» [СД 5 1995: 614].

Далее в сакральном тексте мы видим *ледяную печь*. Известно, что «печь занимала исключительное место в системе народных обрядов... Наличие печи или ее отсутствие определяло статус постройки (дом без печи – нежилой дом)» [Байбурин 1983: 160]. Иначе говоря, печь является центром дома, источником тепла. С этой постройкой

связаны представления об уюте, благополучии и любви в доме, внутри семьи. Однако в данном сакральном тексте образ печи сопряжён с эпитетом *ледяная*. Логично, что данное словосочетание мы можем рассматривать как нечто неблагоприятное, недоброе. Дом с такой печью становится неуютным, нежилым. Печь остыла, как остывают и чувства объекта приворота.

Примечателен образ *лодки* в данном сакральном тексте. Она плывет по *огненной реке*. Как известно, огонь – это «грозная стихия, несущая смерть и уничтожение» [СД 3 1995: 513]. Более того, мы видим *осинову лодку*. Дело в том, что осина издавна рассматривается народом как нечистое, опасное дерево, проклятое Богородицей. «Осина виновна в том, что позволила мучителям Иисуса Христа сделать из своей древесины крест, на котором его распяли...» [СД 3 1995: 570]. Во многих заговорах осина растет в местах, куда обычно ссылают горе, болезни (ср. заговор от эпилепсии: «...*Идите через чистые поля, через синее море, попадайте в такую тишину, на сухие осинки...*» [СД 3 1995: 571]). Действительно, материал лодки сулит беды и несчастья тем, кто плывет в ней.

Проанализировав контекст употребления колоратива, можно сделать вывод о том, что *черный* абсолютно точно используется в метафорическом, сакральном значении. Чтобы верифицировать данный вывод, необходимо рассмотреть информацию этнолингвистических источников:

«Черный цвет ... обладает однозначной негативной символикой, ассоциируясь с несчастьем, мраком, землей, смертью, нечистотой, с «чужим», злым или демоническим началом, потусторонним миром» [СД 5 1995: 514].

Наличие сакрального смысла цвета подтверждают и другие тексты традиционной народной культуры:

Страшилка: *«Тёмная-тёмная ночь. Стоит **черный-чёрный** дом. Открывается скрипучая дверь, заходишь в*

скрипучие **чёрные** комнаты, открывается другая дверь, посредине её стоит **чёрный** длинный-длинный стол. На столе стоит гроб, в гробу лежит синий-синий человек и шепчет: «Отдай моё сердце!» [Коновалова 2007: 91]

В данном сакральном тексте вновь используется приём редупликации, напряжение увеличивается. Читая текст, мы пребываем в нервном ожидании концовки, чему способствует использование колоратива, в основе значения которого преобладает эмоциональная сема.

Заговоры-Обереги от Тёмной Волошбы:

«...Оберечь внука Даждьбожьего [имярек]

*От зла **чёрного**, от худой немочи,*

От наведённого, наговорённого,

По Воде пущенного,

По ветру насланного...» [ВЗ: 6.3-4 № 2].

Наведённым, наговорённым становится человек в результате колдовской деятельности. По воде пущенный – описывается ритуальное действие, связанное с передачей людей и предметов из «этого» света на «тот». Таким образом, можно сделать вывод о том, что текст данного заговора состоит из выразительных устойчивых сочетаний, так называемых, контекстуальных партнёров. Они создают смысловой сгусток отрицательной энергии, нечистой силы, опасности.

На любовь: «Встану я, раба Божья, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в избу, из ворот в ворота. В чистом поле поклонюсь и помолюсь всем зарям-зарницам, всем братьям, всем сестрицам, луне-матушке, солнцубатюшке, моему красному молодцу. Мои русые волосы, присмотритесь, мои русы косы, приглядитесь, в меня, девушку, раб Божий (имя) влюбится, в **чёрные** брови, в **ясные** очи, ретивое сердце, **чёрную** печень, алую кровь. Не мог без меня ни жить, ни быть, ни дню днествовать, ни ночи ночевать. Моим словам ключ и замок. Аминь». Наговорить на воду, вино или еду и накормить милого [РЗиЗ: № 009].

Примечательно то, что колоратив может употребляться в одном тексте даже в нескольких значениях: в прямом и переносном. Так, в данном заговоре чёрные брови являются символом красоты девичьей, выразительности лица. В то время как цвет печени обозначает болезнь, неприятности, нечто плохое и злое [Gridina 2015].

Анализ оппозиции *белый-черный* в сакральных текстах показал, что в традиционной народной культуре колоративы выходят за рамки стереотипных обыденных представлений и приобретают метафорические культурные смыслы. Это связано с фольклорной традицией, древними мифологическими представлениями славян о способах выражения связи профанного и сакрального [Коновалова 2004: 67-69], что вполне соотносится с одной из базовых семантических оппозиций *белый – черный*, элементы которой оцениваются народом как положительно или отрицательно коннотированные.

Литература

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983.

Бекасова Е. Н. Креативность на грани сакрального и профанного в древнерусском тексте // Уральский филологический вестник / гл. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2020. – № 2. – С. 239-256.

Веда Заговоров (Славянский Заговорник) / Волхв Велеслав. – 3-е изд. – М.: Свет, 2016. – 448 с. – (Веды Родолюбия).

Герасименко Н. А., Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е. Русский язык: простое и сложное: учебное пособие для образовательных учреждений с углубленным изучением русского языка и литературы. – М., 2014. – 564 с.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метафора в свете национальной ментальности: монография. – Екатеринбург, 2020. – 226 с.

Коновалова Н. И. Креативный синкретизм речевых жанров угрозы и задабривания в сакральных текстах традици-

онной народной культуры // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2020. – № 2. – С. 257-269.

Коновалова Н. И. Лечебные заговоры как суггестивный текст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2004. – Т. 4, № 7. – С. 67-75.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен: дис. ... д-ра филол. наук / Московский государственный областной университет. – Екатеринбург, 2007. – 354 с.

Мурзина И. Я., Мурзин А. А., Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Краеведческий проект: теория и практика реализации в школе и вузе // Филологический класс. – 2012. – № 3 (29). – С. 39-47.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и Образование; ОНИКС, 2010.

Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). – СПб.: Терра-Азбука, 1995. – 176 с.

Русские заговоры и заклинания: материалы фольклорных экспедиций 1953-1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. – М.: Изд-во МГУ 1998. – 480 с. – (Русский фольклор в новых записях).

Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1 / под ред. Н. И. Толстого. – М., 1995. – С. 151-154.

Словарь говоров Русского Севера. Т. 6 : КОП – КЯРНА. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 342 с.

Шановалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000.

Gridina T. A. The Associative Potential of Words as the Basis of Linguistic and Creative Activity: Experimental Data, Questions of // Психолінгвістика: науково-теоретичний збірник. – 2015. – Т. 25.

УДК 372.881.161.1:372.882.161.1

Соколова А. В., Чебыкина В. В. (МБОУ СОШ № 27, Екатеринбург)

Черты языковой личности В.В. Маяковского

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема активного внедрения антропоцентрического подхода к изучению системы языка. Выявлена необходимость изучения языковой личности в учебной деятельности школьников. Особое внимание уделяется уровневому анализу языка литературных произведений, работе педагога по повышению мотивации к самостоятельной познавательной деятельности детей, когда они заинтересованно ищут способы решения поставленной ими проблемы, осваивая новую информацию и новые способы деятельности. В статье представлен примерный алгоритм анализа языковой личности В. В. Маяковского на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и прагматическом уровнях языка в соответствии с моделью языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым. Материалы статьи могут заинтересовать педагогов и обучающихся, интересующихся языковой характеристикой личности, составлением языкового портрета говорящего, в качестве организации внеклассных мероприятий по проблеме развития креативного мышления при изучении лингвистики, в качестве основы элективного или факультативного курса по русскому языку или литературе.

Ключевые слова: языковая личность; словотворчество; окказионализмы; уровни языка; футуризм; языковое сознание; школьники; познавательная деятельность; русский язык; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество.

Сведения об авторах: Соколова Анна Валерьевна, учитель русского языка и литературы высшей категории МБОУ СОШ № 27 (Екатеринбург); руководитель РМО

учителей русского языка и литературы Орджоникидзевского района г. Екатеринбург; магистр филологии.

Чебыкина Виктория Владимировна, ученица 11 «Б» класса МБОУ СОШ № 27 (Екатеринбург).

Контакты: 620042, г. Екатеринбург, ул. Коммунистическая, 81; ancka.sokol1947@yandex.ru, chebykina.vichka@inbox.ru.

Sokolova A. V., Chebykina V. V. (Secondary School No. 24, Yekaterinburg)

Features of the linguistic personality of V.V. Mayakovsky

Abstract. This article deals with the problem of active implementation of the anthropocentric approach to the study of the language system. The necessity of studying the language personality in the educational activities of schoolchildren is revealed. Special attention is paid to the level analysis of the language of literary works, the work of the teacher to increase the motivation for independent cognitive activity of children, when they are interested in looking for ways to solve the problem posed by them, mastering new information and new ways of activity. The article presents an approximate algorithm for analyzing the language personality of V. V. Mayakovsky at the verbal-semantic, linguocognitive and pragmatic levels of language in accordance with the model of the language personality proposed by Yu. N. Karaulov. The materials of the article may be of interest to teachers and students interested in the language characteristics of the individual, the compilation of a language portrait of the speaker, as an organization of extracurricular activities on the development of creative thinking

Keywords: linguistic personality; word creation; occasionalisms; language levels; futurism; linguistic consciousness; pupils; cognitive activity; Russian language; Russian poetry; Russian poets; poetry.

About the authors: Sokolova Anna Valerievna, Teacher of Russian Language and Literature of the Highest Category of Secondary School No. 27 (Yekaterinburg); Head of the CDSP Teachers of Russian Language and Literature of Ordzhonikidzevsky District of Yekaterinburg, Master of Philology.

Chebykina Viktoriya Vladimirovna, Student of the 11 “B” class of Secondary School No. 27 (Yekaterinburg).

В последние десятилетия наблюдается переориентация интересов исследователей с системы и структуры языка на человеческий фактор в нем. Произошел предсказанный Фердинандом де Соссюром перенос центра тяжести с изучения системы языка на исследование речи. Основная тенденция современного языкознания определена антропоцентричностью научных исследований, их значимостью для человека, стремящегося познать самого себя. Методология антропологической лингвистики была создана в 80-90-е годы XX века. Приоритет в разработке теории языковой личности в отечественном языкознании по праву принадлежит Ю. Н. Караулову. Далее понятие языковой личности шло по пути усложнения, о чем свидетельствуют исследования А. Г. Баранова, С. Г. Воркачёва, О. Л. Каменской, В. И. Карасика, Т. В. Кочетковой, В. В. Красных, О. Б. Сиротининой, А. М. Шахнаровича и др.

Одной из основных проблем теории языковой личности является проблема типологии языковых личностей, что обусловлено неоднозначностью и уникальностью самого объекта изучения – личностью человека говорящего. Обилие подходов к выделению типов языковых личностей в современной лингвистике свидетельствует о том, что обсуждение этой проблемы на данный момент находится в состоянии острой дискуссии.

Актуальность исследования определяется тем, что оно посвящено изучению роли процесса словотворчества в

формировании индивидуальной языковой картины мира личности.

Приоритет в разработке теории языковой личности в отечественном языкознании по праву принадлежит Ю. Н. Караулову и И. Г. Богину. Языковая личность, по Караулову, «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» [Караулов 2004: 38].

В лингвистике «языковая личность» – это личность речевая (лат. *homo loquens* – букв. «человек говорящий») – человек как носитель языка, его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения [Богин 1984: 3].

Исходя из вышесказанного, эти мнения сходятся в том, что языковая личность складывается из способностей человека осуществлять различные виды речемыслительной деятельности и использовать различного рода коммуникации для общения друг с другом и с окружающим миром [Мамаева 2007: 202].

Языковая личность в современной науке предстает как многослойный и многогранный феномен, комбинация разнообразных умений и навыков речевого общения, совокупность языковых способностей и намерений к осуществлению тех или иных речевых поступков, которые могут быть систематизированы как по видам речевой деятельности, так и по уровням языковой системы.

Так как в центре нашего описания будет находиться человек, реализующий себя в речевом акте как языковая личность, обратимся к структуре языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым.

По мнению Ю. Н. Караулова, структуру языковой личности, неотъемлемой частью которой является речевое поведение, можно представить в виде трехуровневой модели.

Первый уровень Караулов обозначает как «вербально-семантический» [Караулов 1987: 56] (семантико-строевой, инвариантный). Этот уровень отражает степень владения личностью обыденным языком (лексикой и грамматикой) и практически не отражает индивидуальных черт в использовании языковых средств.

Единицы вербально-семантического уровня (слова, вступающие друг с другом в определенные отношения) охватывают «все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей» [Ушакова 1980: 149], а стереотипы представляют собой формульные словосочетания и предложения, которые выступают как своего рода клише.

Второй уровень – «когнитивный», на нем происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. Единицами этого уровня являются концепты, идеи, понятия. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры.

Стереотипами когнитивного уровня являются устойчивые стандартные связи между единицами языка, обладающими дескрипторным статусом. Эти связи находят выражение в пословицах и поговорках, афоризмах, крылатых выражениях, которые соответствуют устойчивым связям между понятиями в тезаурусе языковой личности и выражают тем самым «вечные» для данной языковой личности истины [Караулов 1987: 65-67].

И третий уровень – высший уровень, по Ю. Н. Караулову, «прагматический», или «мотивационный». Единицами

последнего уровня являются коммуникативные потребности. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности. Единицы данного уровня и отношения между ними обуславливаются сферой общения, спецификой коммуникативной ситуации и исполняемыми коммуникативными ролями. Стереотипами мотивационного уровня являются определенные символы, образы, знаки повторяющегося, прецедентного для данной культуры [Караулов 1987: 67-70].

Следовательно, кодирование и декодирование информации происходит во время взаимодействия трех уровней «коммуникативного пространства личности» – вербально-семантического, когнитивного и прагматического.

Рассмотрим черты языковой личности В. Маяковского в соответствии с предлагаемой Ю. Н. Карауловым моделью на анализе манифеста *«Капля дёгтя»* и стихотворения *«Сергею Есенину»*.

Заметим, что Ю. Н. Караулов описывал прежде всего национальную языковую личность (речь идет о русской языковой личности), что, пожалуй, соответствует самому крупному масштабу в изучении языковой личности. Этим во многом объясняется универсальность его модели. Для наблюдений за языковой личностью В. В. Маяковского в данной статье используется адаптированный с учетом особенностей проявления конкретных языковых личностей своего рода алгоритм, разработанный Е. Н. Ивановой и отраженный в ряде публикаций (см., например: [Иванова 2018; 2019]).

Языковая ситуация, в которой происходит становление В. Маяковского как поэта, неразрывно связана с термином «серебряный век». Задачей футуристов было создание искусства будущего. Объектом реформаторской практики футуристов стало слово, звук в слове. К общим принципам футуризма можно отнести «канон сдвинутой конструкции».

Анализ *вербально-семантического уровня* языковой личности принято начинать с рассмотрения **фонетических / графико-орфографических особенностей / предпочтений**³. В случае характеристики языковой личности В. Маяковского вынуждены констатировать, что собственно произносительные черты не анализируются, а область графики и орфографии представляет меньше возможностей для индивидуального проявления личности, чем другие уровни языка.

На **лексическом уровне** в речи Маяковского наряду с общеупотребительной лексикой присутствуют поэтические термины, слова с разговорной (просторечной) окраской, оценочным значением.

Наиболее полно авторская индивидуальность Маяковского проявляется на **словообразовательном уровне языка**. В анализируемых текстах отмечаются окказионализмы: *коганоайхенвальдообразные* (старики) – писатели, не входящие в группу футуристов; *кондуктрисса* – ненормативное образование существительного женского рода от существительного мужского рода по существующей в языке модели; *огнесловый* (футуризм) = жгущий словом (воздействующий при помощи слова); *скач* (жизни) = от глагола скакать – неравномерное быстрое передвижение, перемещение в пространстве; *словоновшество* – контекстуальный синоним – «изламыванье слов», создание новых слов в языке; *гала-выход* (нетрадиционное сочетание слов); *врезываясь* (летите),); *не переделавши* (несут) – ненормативное образование деепричастия от глагола по существую-

³ Проясним два момента: во-первых, при описании конкретных личностей вербально-семантический уровень может иметь те или иные индивидуальные языковые проявления в отличие от этого же (инвариантного) уровня национальной языковой личности; во-вторых, термин «предпочтения» личности является нестрогим, применяемым для обозначения индивидуальных особенностей в выборе языковых средств.

щей в языке модели; *напостов* – писателей и критиков, группировавшихся вокруг журнала «На посту», называли «напостовцы», ненормативное образование слова путем усечения суффикса; *бредь* – ненормативное образование существительного женского рода от существительного мужского рода по существующей в языке модели; *языко-творец* = творец языка (творящий при помощи языка); *по-нанесли* – ненормативное образование глагола путем присоединения двух приставок одновременно; *рассоплено* (имя) = разложено по носовым платкам, пропитанным слезами – образовано краткое причастие по существующей в языке модели; *Лоэнгринычем* (Леонидом) – отчество певца Леонида Витальевича Собинова Маяковский образует здесь по одной из лучших ролей певца, которой считалась роль Лоэнгрина в одноименной опере Вагнера; *темь* – ненормативное образование существительного женского рода от уже присутствующего в языке существительного женского рода по существующей в языке модели; *калекиши* – ненормативное образование существительного женского рода от существительного общего рода по существующей в языке модели.

Сопоставительный анализ поэтического и прозаического текстов В. В. Маяковского показал, что в стихотворении «Сергею Есенину» окказионализмов больше, чем в манифесте «Капля дёгтя».

На **морфологическом уровне** у поэта можно выделить следующие предпочтения: наиболее частотная часть речи – имя существительное, глаголов больше в поэтическом тексте, чем в прозаическом тексте, мало причастий, деепричастий больше, также в поэтическом тексте больше используется наречий и местоимений; использование большого количества служебных частей речи.

Синтаксический уровень языка, как и словообразовательный, в большой степени позволяет В. Маяковскому

проявить индивидуальность. В своих произведениях автор использует разнообразные синтаксические единицы. Чаще всего встречаются ПП: *Сбросить старых великих с парокхода современности.*

ССП: *А знаете, я и сам-то не очень жалею покойника, правда из других соображений*; СПП: *Вы ж // такое // загибать умели // что другой // на свете // не умел*; БСП – *Вижу — // взрезанной рукой помешкав // собственных // костей // качаете мешок, ССК и т.д.*

Синтаксис прозаического и поэтического текстов Маяковского отличается особой сложностью, поэт использует экспрессивные средства синтаксиса, в целом не нарушая синтаксических норм языка.

Рассмотрев единицы *лингвокогнитивного уровня* – понятия, идеи, концепты, которые в совокупности составляют единую картину мира, отражающую иерархию ценностей В. Маяковского, – мы пришли к следующим выводам: основной концепт в мировоззрении поэта – *«футуризм»*. Следующие концепты *«правда»*, *«красота»*, *«смерть»* в значении – конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности. Но в контексте данная семантическая группа слов приобретает ещё одно значение – прекращение жизнедеятельности организма (*гроб футуризма, жалею покойника, футуризм умер*).

Т. к. стихотворение «Сергею Есенину» написано весной 1926 года и в нем автор пытается разобраться в причинах смерти поэта, основной концепт здесь – слова лексико-семантической группы «смерть», хотя само это слово в данном тексте не употребляется, но есть слова *«расправа»*, *«самоубийство»*, *«потеря»*, *«похороны»*.

Следующий концепт В. Маяковского, который можно выделить в ходе анализа данного стихотворения – *«жизнь»* – существование вообще, бытие в движении и развитии. Неким связующим звеном между концептами

«смерть» и «жизнь» у Маяковского выступает концепт **«память»**. Следующий важный концепт в стихотворении «Сергею Есенину» – **«время»**.

Таким образом, анализируя элементы когнитивного уровня языковой личности В. Маяковского, можно сделать вывод о том, что главные концепты поэта в манифесте – футуризм – не только литературное направление, но и философское кредо, воспринимаемое им как нечто живое, одушевленное, а в стихотворении – жизнь и смерть, причем смерть Есенина вызывает у Маяковского недоумение, жить и стремиться делать жизнь лучше – вот кредо В. В. Маяковского.

Анализ элементов **прагматического (мотивационного) уровня** языковой личности В. В. Маяковского показал следующее: произведение «Капля дёгтя» представляет собой контаминацию разных речевых жанров: статьи и манифеста. Основная функция этого жанра – придание фактической достоверности, т.е. реализация информационной потребности. Информационные коммуникативно-деятельностные потребности реализуются в данном тексте через экспрессивные средства языка разных уровней, поэту свойственна эмоциональность. Автор не только высказывается по интересующему его вопросу, но самовыражается, сообщая личную точку зрения на происходящее (*Кто за казачьим гиком расслышит трель мандолиниста Брюсова*).

Стихотворение «Сергею Есенину» представляют собой монолог-обращение лирического героя к Есенину, воспринимающееся как продолжение некоего диалога между поэтами. Основная функция этого жанра – пробудить у читателей и слушателей душевный подъем, т. е. реализация эмоциональной, а не информационной потребности. Автор не только пытается разобраться в причинах смерти С. Есенина, он больше самовыражается, сообщая личную точку зрения на происходящее (*Вы ушли, // как говорится, //*

в мир в иной // Пустота...). У лирического героя гибель Есенина вызывает чувство душевной опустошенности.

Воздейственные коммуникативно-деятельностные потребности реализуются в таких языковых средствах, как риторические вопросы (*Впрочем, как вам понять молодость? Почему? Зачем? Почему же увеличивать число самоубийств?*), риторические восклицания (*Умрите, Северянин! Марш!*), метафоры (*медь проповеди; Слово – полководец человечьей силы*).

Контактоустанавливающие коммуникативно-деятельностные потребности реализуются в тексте через обращения (*Милостивые государи и милостивые государыни, Есенин*); многократное использование в тексте глаголов повелительного наклонения, призывающих слушающего (читающего) включиться в процесс обсуждения интересующей автора проблемы (*Прекратите! Бросьте! Лучшие увеличь изготовление чернил!*); апелляцию к знаниям и речевому опыту слушателей, читателей (*Оживите в памяти первый гала-выход российского футуризма, ознаменованный такой звонкой «пощечиной общественному вкусу»*) и важных фрагментов биографии и основных мотивов творчества Сергея Есенина. (*Может / окажись / чернила в «Англетере» / вены / резать / не было б причины*).

Анализируя прагматический уровень языковой личности Маяковского, важно отметить, что поэт цели общения – воздействия на слушателя, – достиг. В манифесте «Капля дёгтя» он метафорически изобразил процесс создания футуристического полотна, отвечающего новой эстетике, отрицающей требования всяких норм и правил искусства. Важно и то, что бунтует художник-творец, очевидно, обладающий потенциалом для глубинного изменения этой жизни, реализующий через такое изменение свое божественное предназначение, – одна из черт культурного

стиля эпохи, по-своему преломленная творческой индивидуальностью поэта.

В стихотворении «Сергею Есенину» автор понимает, что Есенин принял роковое решение под давлением мучавших его душу противоречий: *«Какой великий выбирал путь... протоптанней и легше?»*. Именно в этой слабости, неспособности выстоять перед обстоятельствами он обвиняет поэта: «в этой жизни помереть не трудно, сделать жизнь значительно трудней», что является перефразировкой последних строк предсмертного стихотворения Есенина: «В этой жизни умереть не ново, но и жить, конечно, не новей».

Основываясь на результатах проведенного исследования языковой личности В. Маяковского, можно сделать вывод о том, что поэт относится к **рационально-эвристическому типу языковой личности** (по типологии личностей, предложенной И. Н. Гореловым и К. Ф. Седовым). Основанием для этой типологии выступают психологические особенности личности, которые универсальны и почти не зависят от эпохи и языковой нормы, а именно: тактика поведения, в особенности речевого, в конфликтной ситуации. На наш взгляд, такого рода тактики реализуются личностью и вне конфликтных ситуаций.

В ходе проведённого исследования мы выяснили, что характерные черты языкового сознания личности В. В. Маяковского действительно ярко проявляются на словообразовательном уровне языка как в прозаическом тексте (манифест «Капля дёгтя»), так и в поэтическом (стихотворение «Сергею Есенину»). Но не менее четко они проявляются и на лингвокогнитивном и прагматическом (мотивационном) уровнях языка.

Наиболее яркими отличительными признаками языковой личности В. В. Маяковского, на наш взгляд, являются следующие:

– лингвистические установки поэта обусловлены его мировоззренческими и эстетическими установками;

– в соотношении рационального и интуитивного в языковом сознании у Маяковского преобладает рациональное;

– стремление Маяковского с помощью нового слова трансформировать внешнюю реальность;

– маскулинный характер языковой картины мира В. Маяковского (доминируют следующие ценности: настойчивость, сила, независимость, материальный успех, открытость, в работе ценится больше всего результат, преобладает склонность к агрессивному коммуникативному стилю, поскольку соревнование важнее сотрудничества).

Задача переустройства мира решается Маяковским следующим образом: временное пространство, в которое погружено языковое сознание поэта – это настоящее. Основой психологической среды, в которой исследуются процессы при различных внешних условиях языковой личности поэта являются как рациональное, так и эмоциональное ощущение жизни здесь и сейчас. Если он обращается к ретроспективе, то в основном для того, чтобы предать прошлое анафеме, сравнивая его с настоящим. Словотворчество Маяковского отразило, таким образом, сильное рациональное начало в организации языкового сознания поэта.

Наблюдения за языковой личностью В. Маяковского позволяют говорить о сильном влиянии идеологических установок той эпохи и общества, в котором жил поэт.

Литература

Баранов А. Г. Семиотическая личность: кодовые переходы // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. – Москва; Калуга, 2006. – С. 30-31.

Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2001.

Иванова Е. Н. Вопросы описания языковой личности в свете проектной деятельности учащихся // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2018. – № 16. – С. 69-79.

Иванова Е. Н. Опыт дискурсивного представления лексикона исторической языковой личности // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2019. – № 17. – С. 116-125.

Карасик В. И. Аспекты языковой личности // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. – Волгоград, 2001.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Издание 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002.

Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989.

Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сборник научных трудов. – Волгоград; Саратов, 1998. – С. 20-27.

Красных В. В. Человек умелый. Человек разумный: Человек. «говорящий»: (Некоторые размышления о языковой личности и не только о ней) // Функциональные исследования. – М., 1997. – Вып. 4. – С. 50-56.

Лурия А. Р. Язык и сознание. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 416 с.

Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 8 т. – М., 1968. – С. 415.

Сиротинина О. Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово. – Н. Новгород, 1997.

Седов К. Ф. «Новояз» и речевая культура личности (становление языковой личности) // Вопросы стилистики. – Саратов, 1993. – Вып. 25. – С. 29-35.

Слышкин Г. Г. Аксиология языковой личности и сфера наивной лингвистики // Социальная власть языка: сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 2001.

Шахнарович А. М. Языковая личность и языковая способность // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. ст. / Ин-т русского языка РАН. – М., 1995. – С. 223.

УДК 821.161.1-31(Лукьяненко С. В.)
Хныкина Е. А. (Екатеринбург, УрГПУ)

**Элементы разговорного синтаксиса
в произведениях С. Лукьяненко**

Аннотация. В статье представлено исследование особенностей идиостиля современного писателя-фантаста С. В. Лукьяненко с точки зрения литературоведческого и лингвистического видов анализа. Проанализировано использование элементов разговорного синтаксиса как один из приемов создания образа автора в произведениях С. В. Лукьяненко. Сформулированы функции разговорных конструкций в современном фантастическом тексте подобного рода.

Ключевые слова: фантастика; разговорный синтаксис; писатели-фантасты; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; разговорные конструкции; художественные тексты; идиостиль.

Сведения об авторе: Хныкина Екатерина Андреевна, магистрант 2 года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26; art.by.alan.eny.dix@yandex.ru.

Khnykina E. A. (USPU, Yekaterinburg)

**Elements of colloquial syntax based on the material
of S. Lukyanenko's prose**

Abstract. The article presents a study of the idiosyncrasies of the modern science fiction writer S. V. Lukyanenko from the point of view of literary and linguistic types of analysis. The use of elements of colloquial syntax as one of the methods of creating the image of the author in the works of S. V. Lukyanenko is analyzed. The functions of colloquial constructions in a modern science fiction text of this kind are formulated.

Keywords: fantastic; colloquial syntax; science fiction writers; Russian writers; literary creativity; literary genres; colloquial constructions; literary texts; idiosyncrasy.

About the author: Khnykina Ekaterina Andreyevna, 2nd year Graduate Student of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

В художественном тексте элементы разговорного синтаксиса используются как средство реалистического воспроизведения естественной речи персонажей в диалогах, а также как средство выражения эмоционального состояния героев (возбуждения, радости, потрясения, удивления, грусти и т. п.). В авторской речи они служат средством имитации устного характера высказывания, средством реализации разговорной манеры повествования.

Как отмечает в своей работе «Художественные средства выражения научно-фантастического дискурса в творчестве С. В. Лукьяненко» Л. М. Рыльщикова, С. В. Лукьяненко общается со своим читателем напрямую, имитируя устную доверительную беседу, которая ведется на равных [Рыльщикова 2010]. Одним из средств создания такой манеры является использование в авторской речи различных элементов разговорного синтаксиса. Повествование в «Дозорах» идет от первого лица, а разговорные конструкции используются для передачи потока сознания героя, который должен стать близким и понятным читателю. К числу наиболее частотных разговорных конструкций относятся неполные предложения, предложения с вводными словами, восклицательные и вопросительные предложения, которые обращены героем не к самому себе, а к читателю, тем самым автор будто ломает «четвертую стену». Лукьяненко как будто не описывает внутреннее состояние своих персонажей, но читатель видит его сквозь призму размышлений, разговоров и обращения героев к самим себе, поэтому, используя в авторском тексте разговорные элементы,

Лукьяненко раскрывает читателю внутренний мир своих героев.

Вслед за М. Н. Кожиной, мы выделяем одну из главных особенностей разговорного синтаксиса — эллипсис, т. е. широкое использование неполных предложений, не слишком характерных для письменной речи. Исключение составляют те части «художественных текстов, которые отражают живую разговорную речь — сказ, речь персонажей того или иного произведения» [Кожина 2008: 269]. В анализируемых нами текстах автор часто использует неполные предложения, чтобы передать поток сознания героя-рассказчика, от лица которого ведётся повествование. Приведем примеры неполных предложений из различных произведений С. В. Лукьяненко.

«...Вороны были посмелее. Уселись на соседском балконе, на ближних деревьях...»

«...Защитим и уничтожим. Он был уверен...»

«...Ольга потянулась ко мне через стол. Сказала таинственным шепотом...»

«...На полу у самого порога валялась пробка. Вывалилась, значит. Выкрутилась. Случайно. Сама. Бывает?..»

«— Что вам угодно?

— Комнату.

— Одну, две?

— Одну.

— С одной кроватью, двумя?

— С двумя.

— Свет, вода?

— Лучшую!»

«...Я открыл контейнер, показал заполненный прозрачной жидкостью шприц, лежащий в гнезде. Закрыв контейнер. Пояснил...»

С. Лукьяненко активно использует односоставные предложения различных типов. Например:

«...Не люблю беспокоить людей за обедом...»
«...Ну, что поделать? Прилетели!...»
«...А можно и позвонить господину Эразму...»
«...Было долго, сложно, дорого...»
«...Мне стало жутковато...»
«...Потом меня втолкнуло, вдавило, вжало в телесную оболочку...»

«— Выйти из сумрака!

— Найти девчонку! Охранять... по мере сил!»

«— Вставай! Молчи и не шуми!»

«— Выходи! Тебе не скрыться!..»

Особенно часто можно видеть номинативные предложения, использующиеся для создания образной, зримой картины (пейзаж, портрет, интерьер, состояние и др.). Приведем примеры:

«...Совещание. Пятиминутка...»

«...Хорошее дело. Локальная сетка. Приличные деньги...»

«...Аналитический отдел. Все пятеро...»

«...Редкий случай...»

«...Несформированная судьба...»

«...Расплывчатый потенциал...»

«...Шестеро взрослых, четверо детей и подростков...»

Много используется вопросительных предложений, в том числе и риторических вопросов;

«...Кто же? Кто?..»

«...Как, черт возьми, найти цель?..»

«...Может быть, я и с вагоном угадал?..»

«...Девушка или мальчик? Кто из них?..»

«...Червь, при более внимательном изучении, оказался не столь уж и хитрым, но... Что они с ним сделают, если ограничение свободы человека признано во всем мире негуманным?..»

Восклицательные предложения становятся ярким средством выражения экспрессии в произведениях Лукьяненко:

«Все интереснее и интереснее!»

«Вперед!»

«А этот вихрь пер обратно, будто верный пес к попавшему в беду хозяину!»

«Вот это сила!»

«Вот это нацеленность!»

«Ну вот так всегда!»

С. В. Лукьяненко употребляет предложения с вводными конструкциями, выражающими эмоциональную оценку высказывания или его экспрессивный характер. Рассмотрим некоторые из них:

«... А чего еще я, собственно говоря, ожидал?..»

«... Может, брюки надеть?..»

«... Кажется, сове стало интересно...»

«... В большинстве своем, конечно...»

«... Но мужчина уже ускорил шаг, видимо, придя к подобному выводу самостоятельно...»

«... Да, к счастью, высшее начальство и не подозревает, сколько информации может дать косвенный поиск...».

С. В. Лукьяненко использует в авторском повествовании различные способы передачи чужого высказывания. Например:

«...Я уже приготовился сказать что-нибудь вроде «я тихий безобидный псих»...»

«...Как говорил единственный приятель Александра в тюрьме, русский эмигрант Петр: «От работы кони дохнут!»...»

«— Вот это правильно, — пробормотал Александр, закрывая новостную страницу. — Совершенно верно! У всех должны быть права. В том числе и у жертв... э... сурового воспитания...»

У каждого из писателей есть индивидуальный стиль, излюбленные приёмы, которые используются для привлечения и удержания внимания читательской аудитории. Для С. В. Лукьяненко характерно преобладание разговорных конструкций в авторском повествовании, создающих динамичность изложения и позволяющих читателю понять внутренний мир героя-повествователя, создать атмосферу живого общения читателя непосредственно с автором или каким-либо героем.

Литература

Виноградов В. В. О языке художественной прозы: избр. тр. – М.: Наука, 1980.

Ковтун Е. Н. Фантастика как объект научного исследования: проблемы и перспективы отечественного фантастведения // Русская фантастика на перекрестке эпох и культур: материалы Международной научной конференции: 21-23 марта 2006 г. – М.: Изд-во Моск ун-та, 2007. – С. 20-38.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускарева, В. А. Салимовский. – 3-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2008.

Рыльщикова Л. М. Художественные средства выражения научно-фантастического дискурса в творчестве С. В. Лукьяненко // *Lingua mobilis*. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – С. 61-64.

Научное издание

***АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОЛОГИИ***

Уральский государственный педагогический университет.
620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.me